

ОГОНЁК

№ 45 НОЯБРЬ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С ПРАЗДНИКОМ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 45 (2210)

Основан
1 апреля 1923 года

8 ноября 1969

Д А З Д Р А В
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБР

Московский вечер. Фото Дм. Бальтерманца.

СТВУЕТ 52-я ГОДОВЩИНА
СКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ!

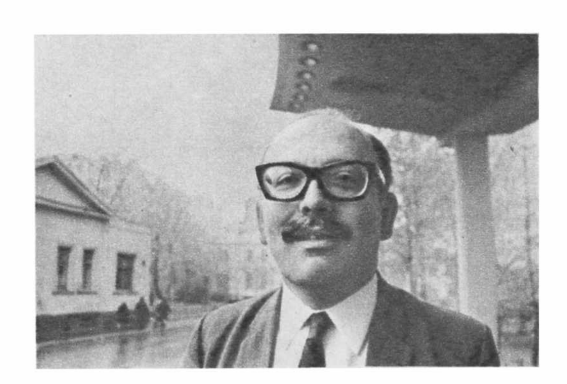

3 ноября по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства в Москву прибыла делегация Национального фронта освобождения Южного Вьетнама и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам во главе с Председателем Президиума Центрального Комитета Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, Председателем Консультативного совета Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам доктором Нгуен Хыу Тхо.

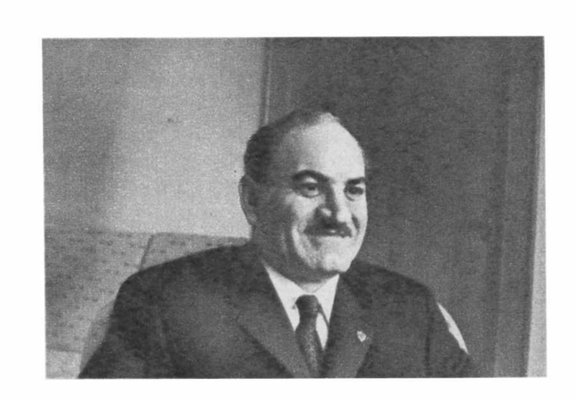
На Шереметьевском аэродроме гостей встречали заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Г. С. Дзоценидзе, заместитель Председателя Совета Министров СССР В. Н. Новиков, министр СССР С. Ф. Антонов, заместитель министра иностранных дел СССР Н. П. Фирюбин и другие официальные лица.

На снимке: во время встречи на Шереметьевском аэродроме.

Фото В. Егорова (ТАСС).

В канун празднования 52-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции со всех континентов нашей планеты в Советский Союз идут многочисленные поздравительные письма и телеграммы. Два послания, обращенных к нашим читателям, мы публикуем в этом номере.

...В дни празднования 52-й годовщины Великого Октября я желаю международному коммунистическому движению еще большей сплоченности, еще большего развития, чтобы другие народы, в том числе и народы Латинской Америки, с новыми силами боролись за прекрасное будущее. Народы Советского Союза показывают им пример и поддерживают их в справедливой борьбе. Я уверен, что наступит время и все народы станут в одной шеренге с Советским Союзом строить новое, социалистическое общество.

В эту великую годовщину Октября мы желаем успехов советским людям в их благородной миссии борцов за счастье народов всего мира. Это самое лучшее, что может пожелать народ Коста-Рики своему другу в его светлый праздник!

Секретарь ЦК партии
Народный авангард Коста-Рики
Эдуардо МОРА

Eduardo Mora V.

...Я пользуюсь своим пребыванием в Москве, чтобы передать братский привет венесуэльских коммунистов читателям популярного журнала «Огонек». Хочу выразить самые лучшие пожелания в канун великого праздника Октябрьской революции всему советскому народу! Пожелать успехов в строительстве коммунизма в вашей великой стране. Для нас, коммунистов Венесуэлы, ваши успехи являются нашими успехами, так как они укрепляют мировую социалистическую систему. Укрепление могущества Советского Союза — это поддержка и нашей борьбы за идеалы прогресса и справедливости.

Я выражаю свое восхищение успехами советского народа во всех областях, особенно достижениями в науке. Полет в космос семи космонавтов подтверждает величайшие достижения Советского Союза в развитии науки и техники.

Мы, венесуэльские коммунисты, поздравляем советский народ с наступающим всенародным праздником 52-й годовщины Октября и заверяем, что будем продолжать нашу антиимпериалистическую борьбу.

Да здравствует мировое революционное движение! Да здравствует Великий Октябрь, путеводная звезда всего человечества!

Член Политбюро ЦК Коммунистической партии
Венесуэлы Помпейо МАРКЕС

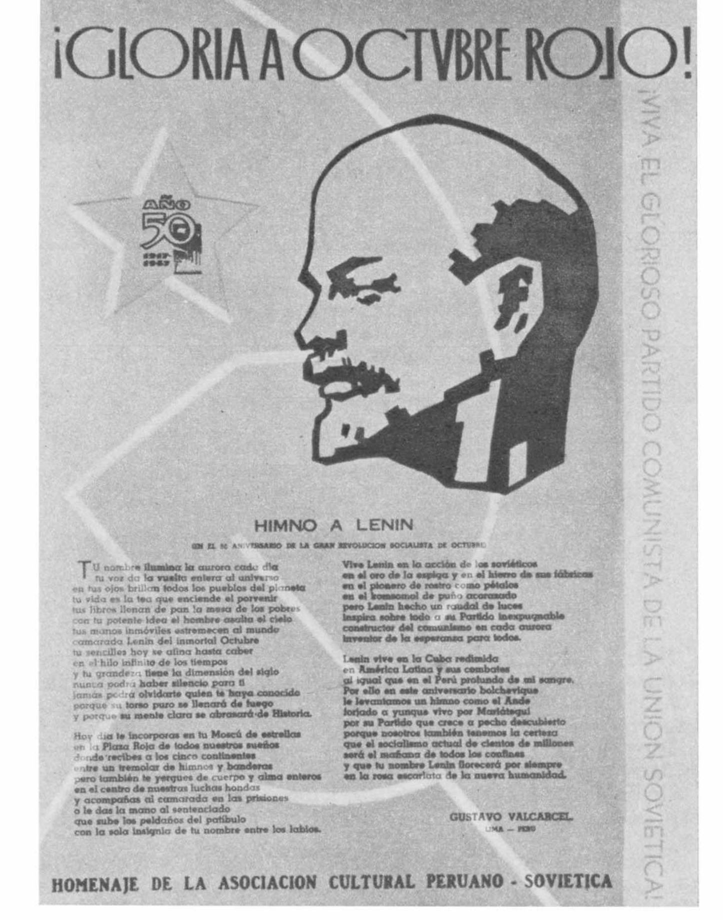
Pompeyo Márquez

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ МОЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Густаво **ВАЛЬКАРСЕЛЬ**

Густаво Валькарсель — перуанский поэт, писатель и общественный деятель. Он автор пятнадцати книг, две из которых посвящены Советскому Союзу. Был директором «Унидад» — органа Коммунистической партии Перу. Шесть раз Густаво Валькарсель оказывался под арестом за свои политические убеждения. Шесть долгих лет вынужден был провести в эмиграции. Еще в 1947 году 25-летний Густаво Валькарсель стал лауреатом Национальной премии поэзии — высшей поэтической награды в стране. Его литературные работы удостоены также премии старейшего перуанского университета — Сан-Маркос, которая присуждается раз в десять лет.

Сейчас Густаво Валькарсель живет и работает в Лиме.

Я удостоен чести: этот плакат с «Гимном Ленину» демонстрируется сейчас в Музее К. Маркса и Ф. Энгельса в Москве.

С тех самых пор, когда много лет назад я прошел «университеты» перуанских тюрем и смог больше узнать о жизни и работе Ленина, о достижениях Советского Союза в строительстве социализма, о героизме советских людей в годы Великой Отечественной войны, я всегда испытывал глубокое желание написать стихи, посвященные вождю и руководителю мирового пролетариата.

На мрачных стенах перуанских политических тюрем появлялись многочисленные эмблемы с серпом и молотом, а под ними имя «Ленин». Рисовали эти эмблемы косточками от фруктов пальта. В них содержится вещество, которое делает надпись несмываемой. Наши тюремщики ломали себе ногти, тщетно пытаясь соскоблить эти надписи. Нас наказывали, запрещая встречи между собой и контакты с внешним миром.

В 1943 году, когда СССР сражался с фашизмом, я опубликовал стихотворение, посвященное неизвестному советскому партизану, которого я назвал просто Алексеем. Позже я написал стихи, посвященные Москве, Гагарину. Но еще не осмеливался взяться за стихи о Ленине — так глубока была эта тема. В 1962 году я впервые побывал в Мавзолее, на Красной площади. Это посещение меня настолько взволновало, что я тут же написал кусок лирической прозы, который так и озаглавил: «Ленин». Так заканчивается моя книга «Репортаж о будущем. Заметки о поездке в СССР», которая была опубликована в Лиме в 1963 году. Кружок Перуанской коммунистической молодежи «Верде оливо» распространил этот отрывок в тысячах экземпляров.

Когда приближалась 50-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, я испытывал все более глубокую потребность написать поэму в честь основателя Советского государства. Однажды августовским утром 1967 года мой мозг молнией пронизало вдохновение, которое воплотилось в стихах. Я быстро написал и потом лишь немного поправил свой «Гимн Ленину», который оказался более удачным, чем я ожидал.

Я сказал Виолетте, своей жене и товарищу: «Я не хочу ждать издания новой книги стихов, чтобы опубликовать «Гимн», который значит для меня так много. Может быть, лучше сделать плакат?» Виолетта принялась за художественную часть, подобрала цвета, нашла художника — перуанского революционера Альберто Кабальеро, который придал окончательную форму этому плакату. Она же поговорила и с видным перуанским врачом Асунсьоном Кабальеро Мендесом, председателем Перуанско-советской культурной ассоциации. Эта ассоциация взяла на себя заботы об издании нашего труда.

Его печатали в очень скромной типографии, где издается и еженедельник перуанских коммунистов «Унидад» («Единство»). Плакат увидел свет за несколько дней до славного юбилея, и его удалось своевременно распространить в профсоюзах и студенческих организациях. На плакате были надписи: «Слава красному Октябрю!», «Да здравствует славная Коммунистическая партия Советского Союза!».

Я читал свое стихотворение в различных перуанских университетах, в том числе и в университете города Ика, где мне довелось выступать в присутствии советской делегации деятелей культуры, посетившей нашу страну в феврале этого года. Вот это стихотворение.

ГИМН ЛЕНИНУ

Имя твое пунцовеет в каждом восходе,
а голос твой пеленает нашу планету,
во взгляде твоем блестят глаза всех народов,
а жизнь твоя — факел, освещающий Завтра,
книги твои на столе бедняка, словно хлеб,
с твоими могучими мыслями люди штурмуют небо,
твои неподвижные руки движут всем миром,
Ленин, товарищ бессмертного Октября,
так человечна твоя простота, что поместится
лишь в бесконечной смене грядущих времен,
у твоего величья размеры нашего века,
никогда над тобой не сомкнутся волны безмолвья,
вовек тебя не забудет узнавший тебя,
потому что тело его пронизает огонь,
а в просветленном разуме заполыхает История.

Сегодня ты встаешь над звездной Москвой,
над Красной площадью, сияющей в наших мечтах,
сюда к тебе стекаются пять континентов
в плеске красных знамен и звучании гимнов,
а еще ты с нами и телом и духом
в самом пекле наших схваток и битв,
ты вместе с товарищем нашим входишь в тюрьму
и руку кладешь ему на плечо перед казнью,
когда он отсчитывает ступени на эшафот,
и нет у него ничего, кроме имени Ленин...
Ленин живет в свершеньях советских людей,
в золоте нивы и в железе завода,
в груди пионера, чье лицо нежней лепестков,
в душе комсомольца, чьи руки, как сталь.
но Ленин, ставший рекою света, живет
прежде всего в своей несгибаемой Партии,
он строит коммунизм от зари до зари,
он созидает надежду всего человечества.

Ленин живет на Кубе, сбросившей цепи,
в Латинской Америке, в каждом ее сраженье,
и в Перу, клокочущем в моих венах.
Поэтому в эту большевистскую годовщину
мы поем ему гимн, возвышенный, словно Анды,
выкованный в жаркой кузнице нашим Марьятеги [1]
и его партией, крепнущей вопреки ураганам,
потому что мы верим, что социализм,
живущий в сотнях миллионов сердец,
воцарится завтра во всех уголках земли,
и имя твое, Ленин, будет вечно гореть
в пунцовой розе нового общества.

Перевод М. Петрова.

---

[1] Хосе Карлос Марьятеги (1895—1930) — основатель Коммунистической партии Перу (прим. переводчика).

Слово главному редактору газеты «Зимбабве ревью»

Саул Гвакуба **НДЛОВУ**

НАША НАДЕЖДА

Когда Ленин умер, это известие поразило горем и саванны Африки, и плодородные долины Азии, и пампы Латинской Америки. Люди спрашивали себя: кто же теперь будет говорить от имени угнетенных народов земли, кто станет их защитником?

Потеря была огромна. Но тому, что сделал Ленин за свою жизнь, было суждено навечно остаться в умах народов всех пяти континентов.

Ленин прозорливо призывал к объединению рабочих и всех угнетенных народов земли против капиталистов и колонизаторов. Этот призыв у нас в сердцах.

Мы, угнетенный народ Зимбабве, знаем, что этот призыв актуален и сегодня. Против нас борются и нас убивают оружием, которое сделано в Англии, Западной Германии, Бельгии, США и других западных странах. Мы знаем, что рабочие, которые изготовляют это оружие, не разделяют угнетательских целей своих капиталистических хозяев.

Однако мы уверены, что рабочие на Западе хорошо знают о нуждах и страданиях своих братьев и сестер в Мозамбике и Анголе, в Намибии и Зимбабве, в Гвинее—Бисау и в Южной Африке и что единство в борьбе против эксплуататоров во имя свободы и равенства для всех вне зависимости от цвета кожи или национальности может быть достигнуто. Так мы понимаем заветы Ленина, ибо он сам боролся за это.

Союз африканского народа Зимбабве, возглавляемый Джошуа Нкомо, выступает не колеблясь против эксплуатации и угнетения всех видов, принесенных извне или родившихся на месте. Мы торжественно утверждаем, что пользоваться правами человека имеет право лишь тот, кто сам достоин этого звания. Только фашисты, расисты, люди с умами, испорченными индивидуалистической и эгоистичной идеологией, могут пойти на попытку присвоить себе право эксплуатировать и угнетать других.

Вот почему мы осуждаем всякие виды угнетения и вооруженное вмешательство одних стран в дела других. Мы осуждаем действия диктатуры Смита, апостолов апартеида в Южной Африке, португальских фашистов, американскую агрессию во Вьетнаме и израильскую агрессию на Ближнем Востоке.

За трагедию в нашей стране, оказавшейся в тисках диктаторского расистского режима Смита, несет ответственность и британское правительство. Правящие круги Великобритании думают не о праве, не о справедливости, а о том, как бы не обидеть расистов. Их благорасположение к расистскому режиму чревато огромной опасностью для Африки. Очевидно, английские лидеры, подобно близким им родезийским главарям, считают, что Смита могут спасти его южноафриканские единомышленники.

Но неужели все они думают, что патриоты Южной Африки будут сидеть сложа руки, не усилят освободительную борьбу? Мы знаем о планах наших братьев и сестер в Южной Африке и уверены, что иллюзиям, которыми себя тешат английские лидеры, наступит конец.

Но все же сегодня оголтелые колонизаторы стремятся превратить ЮАР в ударную силу против африканских стран, ставших на подлинно независимый путь развития. Реакционеры могут пойти на то, чтобы нанести удар, и тогда Африка превратится в кровавое поле битвы.

Чтобы поставить преграду этим планам, необходимо широкое единство в борьбе, и оно не должно ограничиваться только африканскими рамками.

Со своей стороны, мы клянемся, что мы будем неустанно бороться против черных замыслов колонизаторов, за свободу народов Африки. Мы знаем, что на нашем пути немало препятствий, много трудных минут у нас впереди. Но ведь на то и борьба! У нас есть пример России и других народов. Мы тоже можем и должны добиться победы!

Мы не одиноки и приносим благодарность тем странам и отдельным людям, которые помогали и продолжают помогать нам, оказывая моральную и материальную поддержку. С радостью мы отмечаем, что помощь приходит от рабочих, крестьян, организаций всех пяти континентов.

Пролетарский интернационализм — завет Ленина — это живая реальность, он крепнет на благо всех народов земли. Мы призываем к тому, чтобы солидарность борцов была еще крепче и шире. Она должна взломать все преграды на пути к единству в общей борьбе.

И, конечно же, источником нашего воодушевления является единодушная поддержка всем международным коммунистическим и рабочим движением той справедливой борьбы, которую мы ведем. «Вооруженная борьба,— говорится в Документе Совещания в Москве,— которую ведут народы Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау, Зимбабве, Намибии и Южной Африки, наносит тяжелые удары по союзу фашистских и расистских режимов, поддерживаемых империалистами, и открывает перспективу новых крупных побед африканской революции».

Зимбабве и остальные угнетенные районы Африки поклялись идти только вперед и никогда — назад. Победа придет к нам, как пришла в Октябре к народам России,— ведь идеи бессмертного революционера Владимира Ильича Ленина на стороне тех, кто борется за правое дело!

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

РЕКЛАМА И ЖИЗНЬ

ФЕЛЬЕТОН

В культе наслаждений, воспеваемом американской рекламой, важное место отводится путешествиям. Недавно в этом туристском жанре рекламы было сказано новое слово. Американцам, жаждущим поездить и посмотреть, предлагают направиться в... пустыню.

Казалось бы, абсурдное предложение! Но не будем торопиться с выводами, вчитаемся в рекламный проспект. Во-первых, это, оказывается, здесь же, в Америке, в штате Невада. Не так уж далеко, а следовательно, и недорого. К тому же всего в двухстах милях от развеселого города Лас-Вегаса. И наконец, рекламочитателя зовут в гости не просто какие-нибудь туристские агентства, а солидное правительственное учреждение — Комиссия по атомной энергии.

Нет, это не публицистический заход для начала фельетона, не журналистский прием! Есть такая реклама, и есть такая комиссия, от имени которой любопытствующие американцы приглашаются на подземные ядерные взрывы, действительно имеющие место быть на испытательном полигоне в штате Невада.

«Зрители не увидят ослепляющего пламени и не услышат оглушающего рева наземных ядерных взрывов»,— заранее предупреждает рекламный проспект, чтобы разочарованные туристы не требовали обратно свои деньги. Но зато гарантируются другие удовольствия:

«Даже на расстоянии в двенадцать миль подземный мегатонный взрыв вызывает искусственное землетрясение. Смещение почвы доходит до двух футов и может свалить с ног взрослого мужчину. В результате подземного взрыва поднимается необычайно красивое облако пыли, оно стоит над пустыней, как гигантский занавес, размеры которого доходят до нескольких миль. Всегда есть возможность увидеть образование огромнейших живописных впадин в результате подземного взрыва. Самым неожиданным зрелищем являются фонтаны радиоактивных газов через трещины в почве».

Комиссия по атомной энергии обещает, что все эти острые ощущения зрители получат без всякого риска для собственного здоровья. При этом подразумевается здоровье в плане физическом, а не душевном. Оно и понятно! Эмоции счетчиком Гейгера не измеришь. Но именно о них думаешь в первую очередь, когда читаешь этот рекламный проспект. Самое страшное в том, что это приглашение к бомбе при всей его необычности уже не кажется в сегодняшней Америке чем-то из ряда вон выходящим.

Чего стоит, например, другая не менее оригинальная американская реклама, призывающая приобретать новый слезоточивый газ мейс! Покупатели быстро откликнулись. Сегодня этот газ повсеместно принят на вооружение в США. Им пользуются более четырех тысяч полицейских участков при разгоне демонстраций борцов за мир и гражданские права, при разгоне участников массовых студенческих выступлений.

Реклама мейса тоже, разумеется, гарантирует если и не тысячу удовольствий жертвам газа, то, во всяком случае, сохранение их здоровья. Поплачут, мол, немного, протрут глаза и разойдутся, прекратив митинговать и беспокоить бедную полицию. Скажите, мол, спасибо гуманным властям, что они не обрушивают на головы заблуждающихся полицейские кулаки и дубинки, а нежным облачком резкого газа приводят их в чувство.

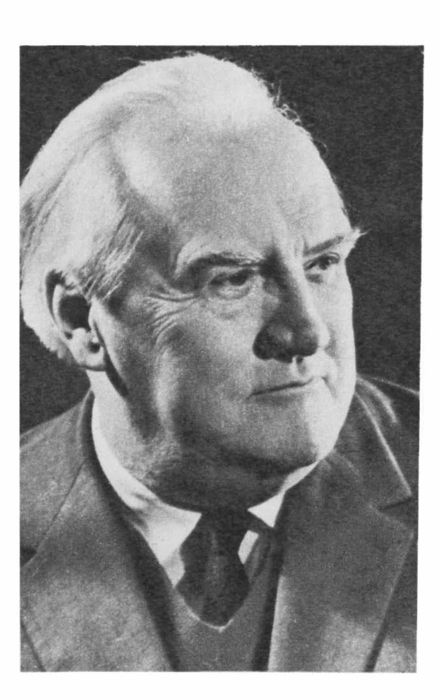
Но обратимся к свидетельствам американских ученых. В результате исследований они установили, что у людей, пострадавших от этого слезоточивого газа, начинает болеть роговая оболочка. Причем это заболевание можно ликвидировать только в том случае, если медицинская помощь пострадавшему будет оказана без всякого промедления. Понятно, что в условиях разгона демонстраций трудно говорить об оказании такого рода помощи, даже со стороны заботливой американской полиции. Кстати, последнее обстоятельство подтверждается и документально. При обсуждении запроса медиков о вредности мейса крупный правительственный чиновник Джеймс Годдард заявил: «Насколько я знаю, не было таких случаев, чтобы полицейские, употреблявшие слезоточивый газ, тут же, на месте, оказывали медицинскую помощь пострадавшим».

Опыты медиков к тому же показали, что вредоносное влияние мейса на человеческий организм не ограничивается одной роговой оболочкой. Газ вызывает кожные болезни и резкий скачок давления крови. Стало быть, врет реклама мейса, утверждая, что он безвреден.

Да, сегодня Америку ничем не удивишь. Даже приглашением американцев к бомбе и рекламой слезоточивого газа.

В. НИКОЛАЕВ

Николай ТИХОНОВ

Новые стихи

СОЛНЕЧНЫЙ ДОЗОР

Бывает, в летний вечер красный
Иль в вечер с синим льдом
Вдруг с теплотой огней всевластных
Лучи ворвутся в дом,

К вещам обычным прикасаясь
Неслышно и светло,
Как будто передать стараясь
Последнее тепло

То книге, ярко освещенной,
То шхуне костяной
Или фигурке полусонной,
Что вспыхнет белизной.

Живые токи света бродят,
Наш ослепляя взор,
Как будто через жизнь проходит
Тот солнечный дозор.

С таким возвышенным стараньем,
С неведомых сторон,
Все, что зовем воспоминаньем,
Вдруг освещает он,—

И то, что было злым и ломким
Или сродни громам,
Души косматые потемки
И темный лес ума.

Но то, чем в прошлом сердце жило,
Ключей всех горячей,
Встает пред нами с новой силой,
Струясь в огне лучей.

Пока они блестящим дымом
Текут, как сон за сном,
Тем, что уже неповторимо,
Мы заново живем!

КРЕМЛЬ

На апрельском рассвете, с Волхонки,
Только выйди на площадь совсем,
Он нежданно рождается, звонкий,
Легкостенный и розовый Кремль.

Весь прозрачный, как сон, многоглавый,
Точно солнца сияющий брат,
Точно жаркою солнечной славой
Его стены и башни звучат.

Весь рассветною силой расцвечен,
И на гребне растущей волны
Точно встал он, расправивши плечи,
Над зарей небывалой страны.

ЭЛЛАМЫ С ОСТРОВА САРЕМА

Хочешь, зови это северной сагой,
Эпосом, песней, гимном зови,—
Элламы с острова жили отвагой,
Зовом великой любви!

Их было пятеро — братьев трое
И две сестры — заводилой была
Старшая, та, что ночною порою
По хуторам на восстанье звала.

Кто же Мари не знал у повстанцев,
Черного ее жеребца,—
Тут не до песен и не до танцев,
В битве сражалась она до конца!

Эллам Антон-непримиримый,
В Таллине пал он в двадцать втором,
На хуторе Ааду, врагами гонимый,
Ушел Александр в огонь и гром.

Ксения Эллам — инструктор райкома,
Билась с фашистами с глазу на глаз,
Смерть она встретила в Таллине, дома,
Там, где боролся рабочий класс.

Иохан Эллам — последний из братьев,
В народ его имя легенды несут,
Смерть принимает его в объятья
В схватке бесстрашной в родном лесу.

Чайки кричат, как строки поэмы,
На строгом, скалистом берегу:
«Элламы с острова Сарема —
Они никогда не сдаются врагу».

Хочешь, зови это красной сагой,
Северным эпосом, песней зови,
Элламы с острова жили отвагой
И умирали во имя великой любви!

НАД НЕМАНОМ

Уж осень сладким наливалась соком,
Над Неманом был замок вознесен,
Смеялись в замке девушки из окон,
Как бы смотря из рыцарских времен.

Им рыцари коней не подводили,
В их честь певцов не слышалась хвала,
Хоть девушки хозяйки в замке были
И свежесть в них весенняя жила.

Им не нужны штандарты и горнисты,
Их кони без стремян и без удил,
Их звонкий голос юных трактористок
Литовской песней замок молодил.

МАКИ

Уже флоксы стали лиловее,
Маки, маки, я всегда готов
Видеть вас на поздней ассамблее
С летом расстающихся цветов.

Вы, как реки, льетесь по пустыне,
Север наш дает вам свой приют,
На Луне, как выяснилось ныне,
Никакие маки не цветут.

Я люблю вас, полноцветных, крепких,
С криком ваших разноцветных ртов,
Предо мной встаете вы, как слепки
С лучших чувств, принявших вид цветов.

В маках розовых, с оборкой белой
Что-то от веселых танцовщиц,
В маках желтых — прелесть онемелых
От восторга славок-небылиц.

Белые, как дети белой ночи,
Легкий пламень, снежный полусон,
Только в алых песня видеть хочет
Алость губ и алый шелк знамен.

Потому что смертною порою,
Облетев, покроют наяву,
Точно кровью павшего героя,
Лепестками алыми траву.

СОН

Американской даме снился сон:
Руина на руину громоздится,
Над ней в пожарах черный небосклон,
Она бежит, и негде ей укрыться.

Сын перед ней, ее любовь, и вот
Весь побелел от боли и от страха,
Струей напалма перечеркнут рот
Красивого парнишки из Айдахо.

Несчастная проснулась с воплем мать,
Молитву шепчет серыми губами,
А телевизор ей дает опять
Последнюю бомбежку во Вьетнаме.

Опять напалмом перечеркнут рот,
Руина на руину громоздится,
Покоя дама больше не найдет —
И черный рот ей будет вечно сниться.

17 ноября 1939 года в Праге грянул залп, и, скошенные гитлеровскими пулями, упали в братскую могилу студенты Карлова университета. Вина этих молодых людей заключалась в том, что они протестовали против убийства гестаповцами их товарища. День, когда была пролита кровь чехословацких студентов, стал символом верности молодежи борьбе за свободу, мир и демократию во всем мире — Международным днем студентов.

Молодежь верна памяти своих собратьев и продолжает борьбу против войны и насилия, за свободу и демократию. Ярким примером этой борьбы стало в последние дни движение американской молодежи против войны во Вьетнаме, против расовой дискриминации, за демократию и справедливость, за гражданские права и свободу. Волна массовых выступлений прокатилась по Америке и охватила самые широкие слои американского общества. Что явилось причиной нового взрыва! Американский президент Р. Никсон объяснил это еще в своем послании к народу: «Американскому народу давали много обещаний, много раз в нем возрождали фальшивые надежды, слишком легко бросались лозунгами по серьезным вопросам».

Справедливые слова! Лучшего обвинения в адрес бывших американских правительств не придумаешь. Американцы считали, что с «фальшивыми надеждами» покончено, теперь все пойдет по-другому: война во Вьетнаме окончится, негритянская проблема решится, студенчество будет удовлетворено. Посмотрим, как все это осуществляется на практике. Для убедительности воспользуемся иллюстрациями американского агентства ЮПИ и американских ведущих политических журналов.

1

Сам закон в каске и с дубинкой пришел наводить порядок в Мичиганском университете. Более ста студентов уже в тюрьме. За кем очередь?

2

«Полиция иногда теряет терпение»,— жалуется журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт».

3

Студенты тоже потеряли терпение. На заявление Никсона на пресс-конференции: «Я рассматриваю факты, как они есть сегодня, и прихожу к выводу, что мы на правильном пути во Вьетнаме» — молодежь ответила: 15 октября — «Вьетнамский мораторий».

4

Затем «Марш против смерти»; кампания «Нет мира Никсону»; «Марш на Вашингтон». 40 тысяч маршей против войны во Вьетнаме — таков ответ молодой Америки Никсону.

5

Негритянская молодежь Америки устала ждать обещанных реформ — это ее предупреждение Р. Никсону в Питсбурге.

6

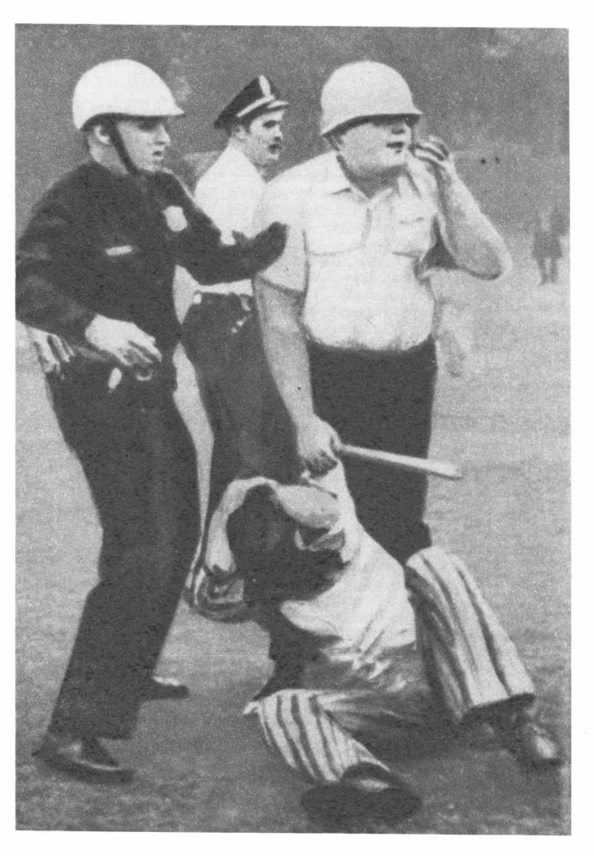
Миллионы американцев поднимаются на борьбу против войны во Вьетнаме. Одна из руководителей марша за «Вьетнамский мораторий», вдова Мартина Лютера Кинга, бесстрашная Коретта Кинг, говорит: «Эта война — грязное, несправедливое дело... Она горе белых и черных, горе американского народа».

7

Гневные слова Коретты будят и тревожат молодую Америку. Она поднимается на борьбу за свои права, за справедливость. Даже такой буржуазный орган печати, как «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», сделал вывод: «Если правительство не кончит войну во Вьетнаме и не начнет настоящую войну с нищетой, возможно, сила и явится необходимым путем для решения этих проблем». Накал борьбы в США показывает, что орган монополистических кругов имеет все основания выражать свою тревогу.

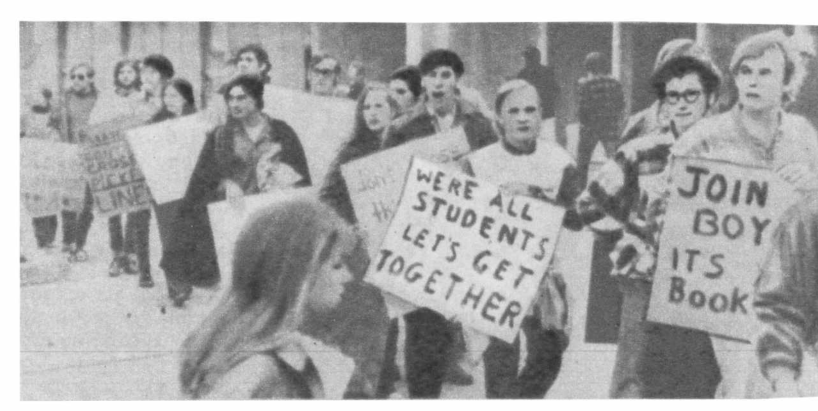
2

МОЛОДАЯ АМЕРИКА

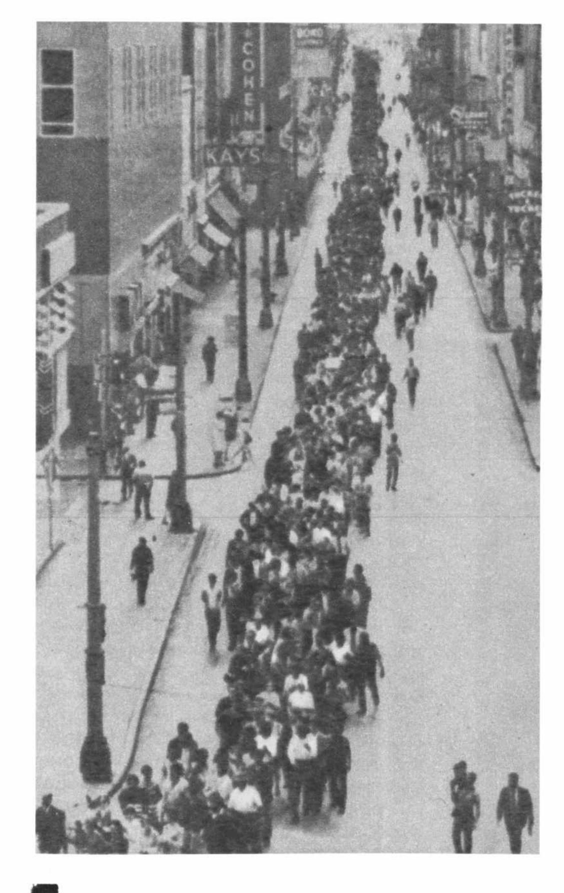

6

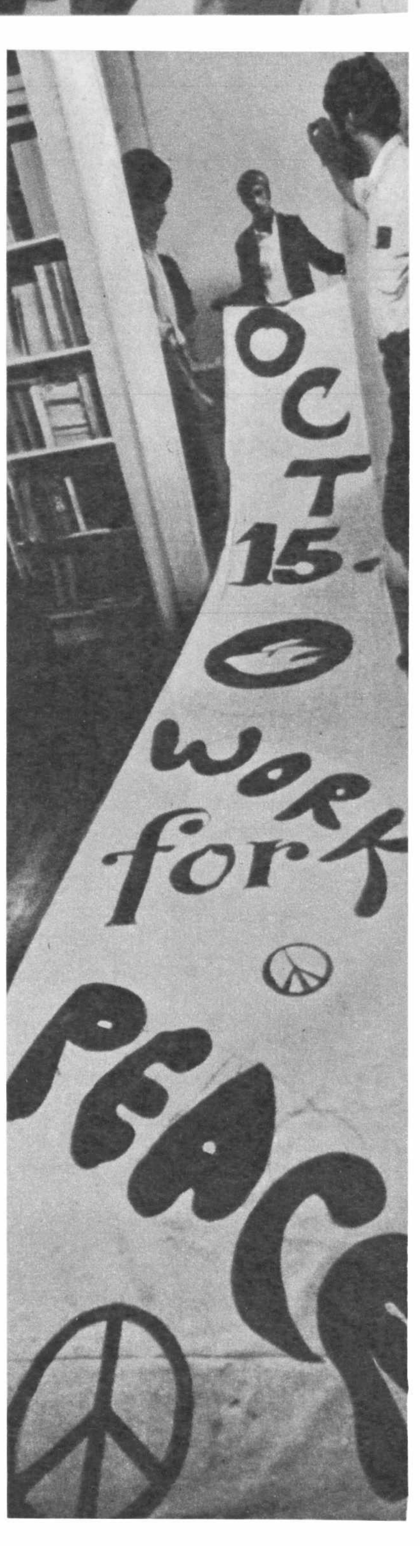

3

5

4

7

1

ОТВЕЧАЕТ НА ВЫЗОВ...

Город Киров. Памятник В. И. Ленину.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕНИНСКОМУ МЕРИДИАНУ

ОКТЯБРЬСКИЙ ПРОСПЕКТ

Ю. ЛУШИН

ФОТО Д. УХТОМСКОГО.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Опять осенние ветры кропят красными пятнами листьев асфальт Октябрьского проспекта. И броню танка номер 613. Кажется, что природа украшает город к празднику.

Танк стоит на постаменте в самом центре проспекта. Мимо идут парни. Многие из них помнят отцов, не вернувшихся с поля брани. Парни эти — я уже знаю их — работают на машиностроительном заводе имени 1 Мая. Завод как завод. Но в грозные времена он тоже становится грозным, этот мирный труженик. Зимой 1918 года из его ворот вышел бронепаровоз «Вся власть Советам». Сейчас завод знаменит другим: он основной поставщик железнодорожных дизель-электрических кранов, только здесь делают шпалоподбивочные машины, весьма популярные за рубежом. Завод выпускает еще моторные платформы для укладки секций, трехроторные мощные снегоочистители.

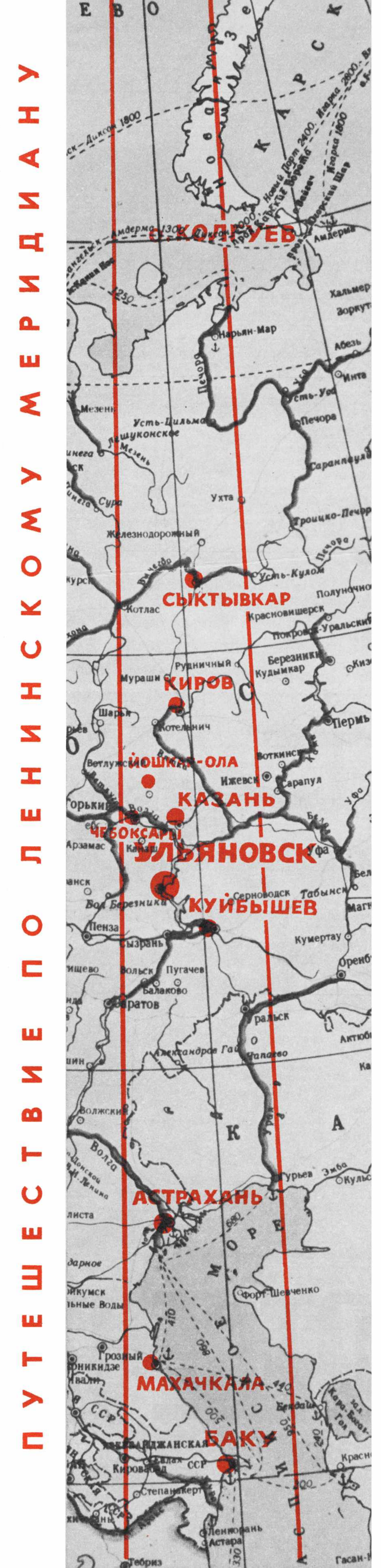
Слесарь-сборщик Леонид Никитин посоветовал мне на обратном пути поглядывать из окна вагона: «Обязательно нашу продукцию увидите». Разговаривали мы у блистающего желтой краской 25-тонного крана, поворотный механизм которого собирал Леонид с товарищами. Испытатели и заводской ОТК уже дали «добро» на отправку крана на Кубу.

Тут как раз кончилась смена, из проходной мы вышли с Леней вместе. Я попросил Леню рассказать о себе. Говорил он коротко и просто, да и биография у парня была несложной: школа, служба в армии, завод, вечерний техникум.

Мы шли по Октябрьскому проспекту мимо жилых домов, заводов, институтов, клубов. Проспект был прямой и широкий. И жизненный путь у моего собеседника был прямой и ясный, в общем-то обычный путь, как у миллионов других таких же парней. Обычным такой путь стал несколько десятилетий назад: у истока миллионов жизненных дорог Октябрь 1917-го. Подтверждением тому — еще одна встреча на Октябрьском проспекте.

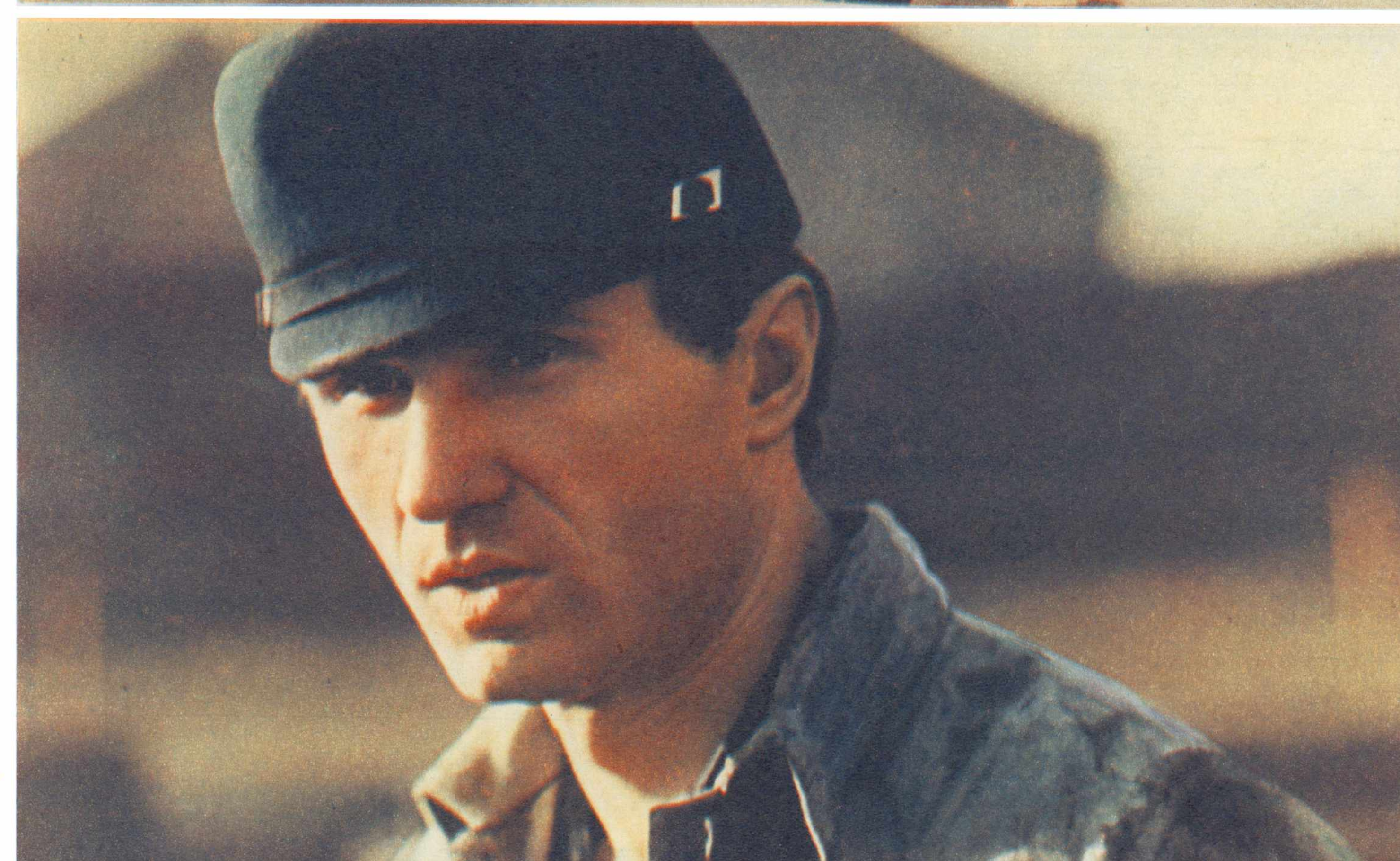
Профессор Кировского сельскохозяйственного института, доктор биологических наук, депутат Верховного Совета РСФСР, почетный гражданин города Эмилия Адриановна Штина считает, что в жизни ей постоянно везло, везло на хороших людей. Может быть, это и так. В детстве ей не пришлось ломать голову над вопросом, кем быть. Отец, агроном земской управы, успел привить детям любовь к земле. Я говорю успел, потому что он умер, когда Эмилии было лишь 10 лет. Но шли уже 20-е годы, утвердилась власть Советов, и будущий профессор имела возможность учиться в школе в маленьком городке Нолинске, где жила тогда их семья.

— И вот там мне повезло впервые и потом уже везло всю жизнь,— вспоминает она.— Ботанику преподавала нам Агния Павловна Попова, женщина яркой красоты и многих талан-

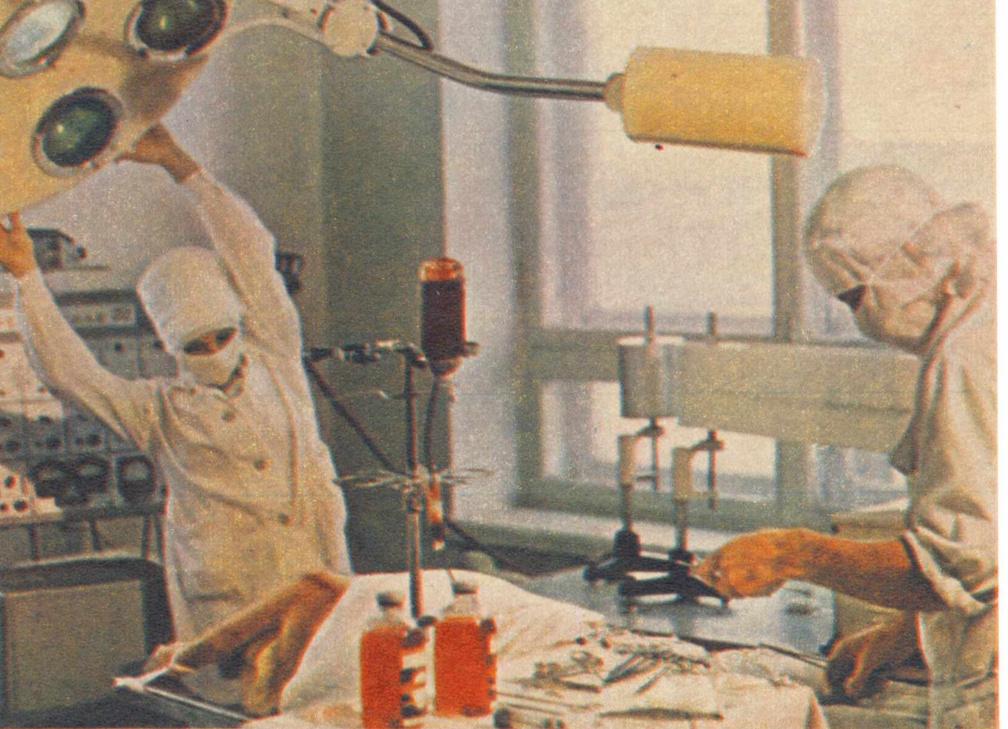
Город Киров. Октябрьский проспект.

Леонид Никишин — слесарь сборочного цеха машиностроительного завода имени 1 Мая, студент Политехнического института.

На Вятке.

В лаборатории Кировского научно-исследовательского института.

Шинный завод. Цех вулканизации.

Дымковская игрушка.

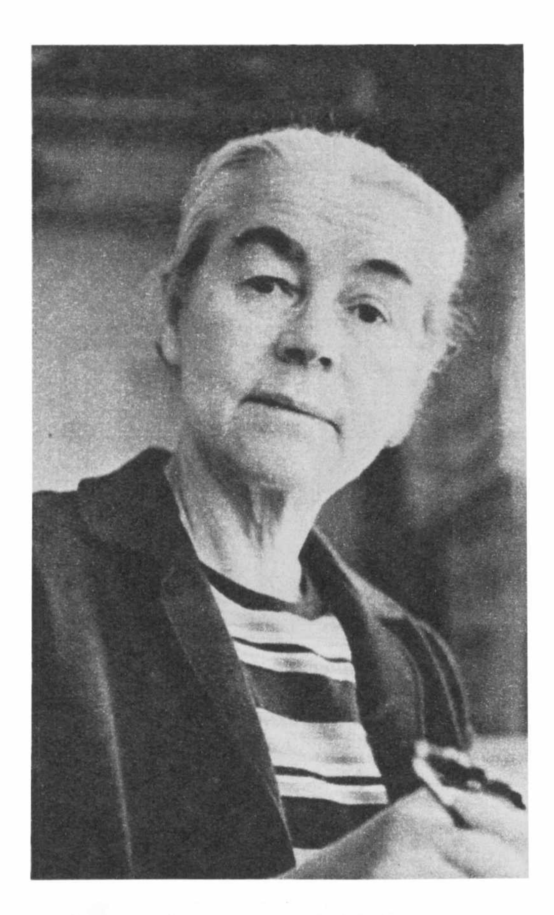

Нина Шихова — скорняк-раскройщица фабрики «Белка» в городе Слободском. Она демонстрирует изделия фабрики.

Продукция фабрики «Белка» и ее награды.

тов, она была актрисой нолинского любительского театра, играла с Борисом Чирковым. И была настоящим кумиром публики. С ней я переписываюсь до сих пор. Когда Агния Павловна впервые вошла в класс, то сразу же спросила, много ли среди нас пионеров. Оказалось, немного, и это ее огорчило. И тогда мы впервые услышали блистательную речь новой учительницы, которая быстро завоевала наши сердца. Надо ли добавлять, что вскоре мы все записались в пионеры...

Эмилия Адриановна ШТИНА.

Фото Ю. Лушина.

Потом комсомол, сельскохозяйственный институт, который кончал еще мой отец (тогда институт назывался — Вятское сельскохозяйственное техническое училище). Он находился в том же здании, где мы с вами сидим, но само здание было тогда далеко за городом, окруженное картофельными полями. Теперь здесь прошел Октябрьский проспект. И вот в институте со мной произошло событие, перевернувшее всю мою жизнь,— в 1929 году меня вдруг избрали депутатом в городской Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Была я зеленая девчонка, не умела ничего, а тут — решай государственные вопросы. Сейчас, когда соберемся на очередную сессию, вспомнишь вдруг, какие же вопросы мы, депутаты, решали тогда. А решали, помню, на первой же сессии вопрос о введении карточной системы. Трудное было время. В коллективизации участие принимала, учительствовала. А когда уже была своя семья и двухлетняя дочка, вдруг решила учиться дальше — поступить в аспирантуру Московского университета. И там мне снова повезло. Приняли меня на отделение альгологии — это учение о водорослях, о которых я имела самое смутное представление. Но это тоже оказалось счастливой случайностью. Моим руководителем стал великолепный знаток альгологии профессор Московского университета Константин Игнатьевич Мейер.

В 1949 году мне удалось найти метод количественного анализа почвенных водорослей. Что это такое? Почвенные водоросли встречаются повсеместно. Многие типы их активно участвуют в формировании почвы, в накоплении органических веществ и азота. Крестьянин издавна приметил, что появление зеленого налета на поверхности земли (так называемое цветение почвы) сулит хороший урожай. Этот зеленый налет — не что иное, как почвенные водоросли. Поэтому понятна моя радость, когда я нашла сравнительно простой и эффективный метод определения количества водорослей в почве. Перспективы практического применения этого метода весьма заманчивы. Например, искусственное внесение живых культур водорослей в почву, иными словами, удобрение живыми водорослями. Рисоводы уже в течение ряда лет используют этот метод и получают отличные результаты. Причем достаточно 100—200 граммов массы на гектар вместо центнеров и тонн обычных удобрений.

С Эмилией Адриановной мы говорили долго, но она, конечно, и словом не обмолвилась о том, что приходилось работать по 13 часов в сутки, ночами сидеть над опытами, что в 1966 году она награждена орденом Ленина, что ее приглашали на научные симпозиумы в Австралию, Болгарию, Англию, США, что часто зовут ее читать лекции в Московский университет... Все это она определяет одним словом — «повезло». А я завидую студентам, которых она обучает,— вот им-то действительно повезло.

Вообще Киров на талантливых людей щедр. Не всякий город может похвастаться лауреатами Ленинской премии, а тут есть: инженер Кировского шинного завода Г. П. Голоулина и нынешний заместитель главного инженера Н. С. Голошумов. Шины для грузовиков с меридиональным направлением нитей корда — их детище.

Шины эти поистине волшебные. В такой обуви машины могут исколесить до 120 тысяч километров, в обычных же — 60 тысяч. Каждый миллион кировских шин экономит государству ежегодно 57 миллионов рублей. И вдруг Николай Степанович Голошумов говорит мне:

— Скоро шины эти, как вы говорите, волшебные, мы с производства снимем, потому что уже разработана шина, которая может пробежать 150 тысяч километров. Так сказать, еще более волшебная. Выпуск ее начнем в 1971 году.

Был я в новом, великолепном цехе шинного завода. Ездил на самый крупный в стране комбинат по производству лыж. Знакомился с тружениками обувного комбината, получившего почетное право носить имя В. И. Ленина еще в 1922 году с личного согласия Ильича. На меховой фабрике «Белка» меня убеждали, что сшить хорошую шубу не легче, чем сделать автомобиль. Наверное, это так, потому что каждая шкурка белки, прежде чем стать мехом, должна пройти 54 операции, причем каждая из них рассчитана с точностью до минут. «Белку» скорее всего следует назвать комбинатом, потому что она не только выделывает меха, но и конструирует из них шубы, куртки, пальто, шапки. Она дает более 30 процентов общесоюзной продукции меха и является единственным в стране предприятием, поставляющим беличьи шкурки.

Я возил с собой и показывал всем выписку из газеты «Искра» от 15 января 1902 года: «Разделение труда развито довольно сильно, так что редко можно встретить сапожника, который мог бы сшить пару сапог, начиная с кройки ее, без посторонней помощи. Это обстоятельство, вместе с неимением собственного сырого материала, ставит ремесленников в кабальное положение по отношению к хозяину... Дети его в большинстве случаев не оканчивают школы и рано засаживаются за работу, приобретая всевозможные болезни, до чахотки включительно, которая находит себе благоприятную почву».

Об этом же писал В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России», отмечая бедственное положение ремесленников и крестьян Вятской и других российских губерний.

Может, это о родных дедах нынешних кировцев говорится.

...Опять осенние ветры кропят красными пятнами листьев сырой асфальт главного проспекта города — Октябрьского. На улице — 52-й год Советской власти. На улице — праздник.

Флор ВАСИЛЬЕВ

Оно затемняло
Равнины и кручи,
Оно, как осот,
Разрасталось живуче.
Но ясное солнце
Октябрьской поры
Рассеяло горя
Угрюмые тучи.

Как прутья стальные,
По далям унылым
Хлестали дожди
С леденящею силой.
Но ясное солнце
Октябрьской поры
Приход
Справедливой весны
Возвестило.

В осевших избенках
Ютились напасти.
Лишь сны
Приносили
Недолгое счастье.
Но ясное солнце
Октябрьской поры
Напасти и мрак
Раздробило на части.

Как будто бы озимь
Теплом привечая,
Весеннее небо
Забыло печали.
И ясное солнце
Октябрьской поры
Народам пути
Указало лучами.

И Ленина мудрость
Постигли народы.
И с именем этим
Шагают сквозь годы,
Чтоб ясное солнце
Октябрьской поры
В горячих сердцах
Продолжало восходы.

Перевел с удмуртского Вл. Савельев.

ВЕЛИК
СО

«В МИРЕ РАЗВЕРТЫВАЮТСЯ МОЩНЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ. В БОРЬБЕ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА ОБЪЕДИНЯЮТСЯ ТРИ ВЕЛИКИЕ СИЛЫ СОВРЕМЕННОСТИ: МИРОВАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛИЗМА, МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ КЛАСС И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ. НЫНЕШНИЙ ЭТАП ХАРАКТЕРИЗУЕТСЯ РОСТОМ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ НОВОГО ПРОДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД РЕВОЛЮЦИОННЫХ И ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ».

Из Документа, принятого международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 года.

52-й год эры Великого Октября отмечен событием огромной исторической важности. Как известно, в июне этого года в Москве состоялось международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Форум коммунистов дал четкий анализ современного положения в мире. Каждый новый день в жизни человечества подтверждает, насколько глубоки и правильны положения документов, принятых международным Совещанием.

«Социализм, победивший на одной трети земного шара, добился новых успехов во всемирной битве за умы и сердца людей».

Из Документа.

Мир социализма сегодня — это светлый мир миллионов свободных людей. Свободных от угнетения и эксплуатации, от неуверенности и страха перед будущим. Своим трудом они преобразуют землю, заставляя ее отдавать свои богатства народам, а не кучке монополистов.

Мир социализма — это мир, где страны и народы помогают друг другу, работают сообща. Такой труд приносит богатые плоды: прирост национального продукта в социалистических странах (начиная с середины 1958 года) составил 83 процента, а в развитых капиталистических странах — всего 55 процентов.

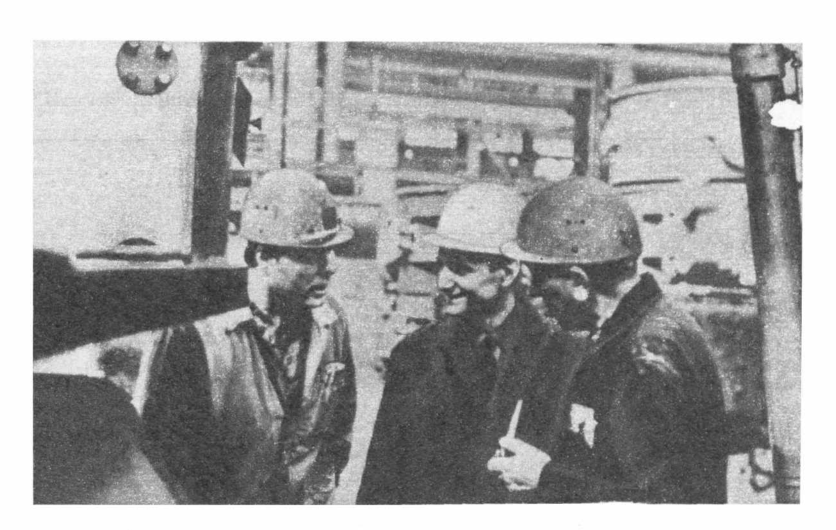
Мир социализма — это мир, за которым будущее.

Болгария. Советский мастер по автоматической сварке В. П. Бойков (слева) познакомился с руководителем комсомольской монтажной бригады Костей Сивевым на строительстве нефтехимического комбината близ Плевена. Это предприятие сооружается при техническом содействии Советского Союза.

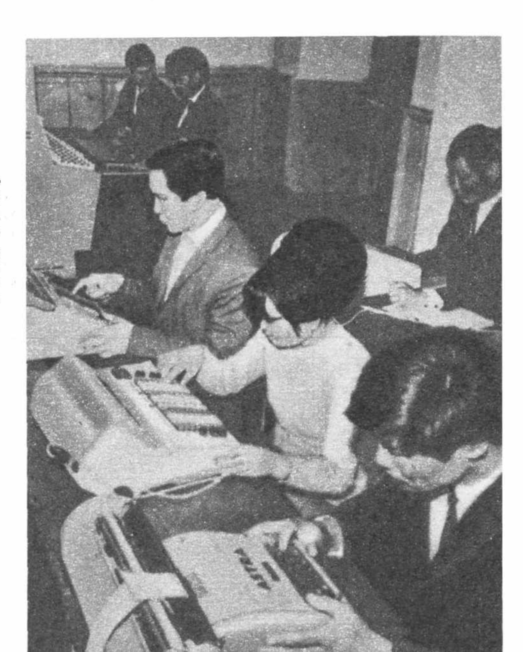

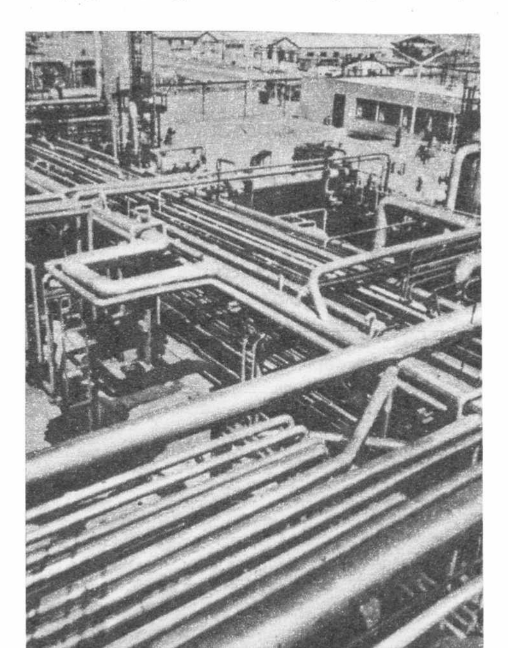
Польша. Члены бригады социалистического труда, работающие на предприятии технического оборудования в Свентохловице, встретили 25-летие народной Польши отличным трудом.

С каждым годом расширяется экономическое сотрудничество между ГДР и СССР. В гостях у машиностроителей ГДР советский инженер А. И. Рыбенцев (в центре), представитель внешнеторгового объединения «Техмашимпорт». Предприятие «Машинен унд аппаратебау» изготовляет оборудование для советских фабрик по производству соды.

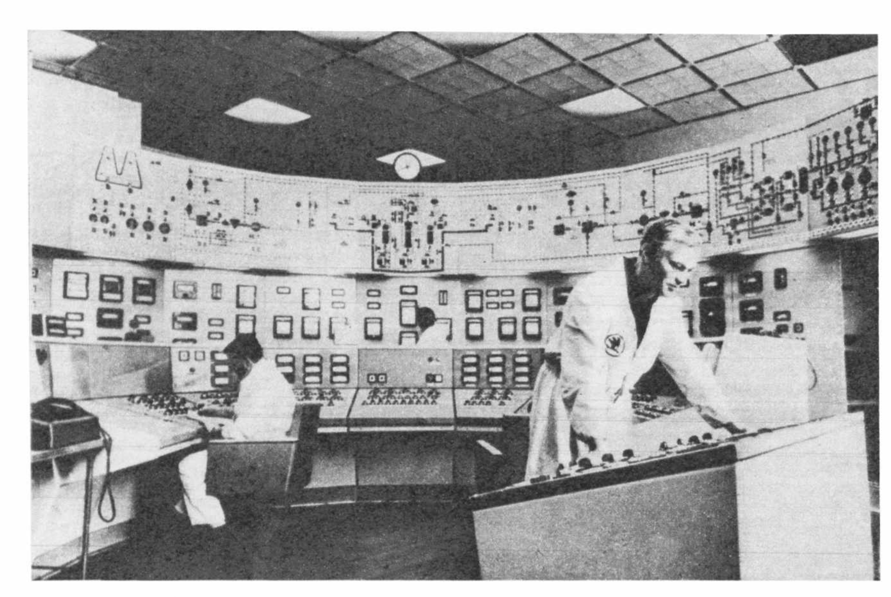
Монгольской Народной Республике нужны знающие специалисты. Такими станут монгольские юноши и девушки, которые приехали учиться в Иркутский институт народного хозяйства.

В Венгерской Народной Республике завершено строительство первой очереди Дунайского нефтеперерабатывающего комбината. Он сооружается при техническом содействии СССР. Промышленный гигант в Сазхаломбатте, получающий сырье по трубопроводу «Дружба», перерабатывает 3,5 миллиона тонн нефти в год.

ИЕ СИЛЫ
ВРЕМЕННОСТИ

Перспективным планом развития чехословацкой энергетики предусматривается сооружение в ближайшие годы нескольких атомных электростанций.

На крупной экспериментальной базе машиностроительного завода имени В. И. Ленина в Пльзене испытываются отдельные узлы атомного реактора, который предназначен для первой атомной электростанции ЧССР «Богунице».

На снимке: пульт управления атомным оборудованием.

«В борьбе против рабочего движения империализм попирает демократические права и свободы, применяет открытое насилие, жестокие методы полицейских преследований, антирабочее законодательство».

Из Документа.

Демонстранты на улице Торонто. Трудящиеся провинции Онтарио в Канаде протестовали против намерений правительства этой провинции ввести антирабочее законодательство, ограничивающее права рабочих на забастовки и пикетирование.

«Пока существует агрессивный блок НАТО, Организация Варшавского Договора играет важную роль в обеспечении безопасности социалистических стран против военного нападения со стороны империалистических держав, в обеспечении мира».

Из Документа.

Сержант Советской Армии и солдат Национальной народной армии ГДР. Они стоят в одном строю, солдаты социализма. Чтобы уметь защитить свое социалистическое отечество от любого врага, надо овладеть всеми достижениями современной военной науки и техники. Проведенные недавно в Польше совместные учения братских армий, в которых участвовали войска вооруженных сил СССР, ЧССР, ГДР и ПНР, подтвердили, что у социалистического лагеря надежные защитники.

«Увеличение заработной платы далеко отстает от темпов роста производительности труда и его интенсификации, от социальных нужд, оно несоизмеримо с ростом прибылей монополий».

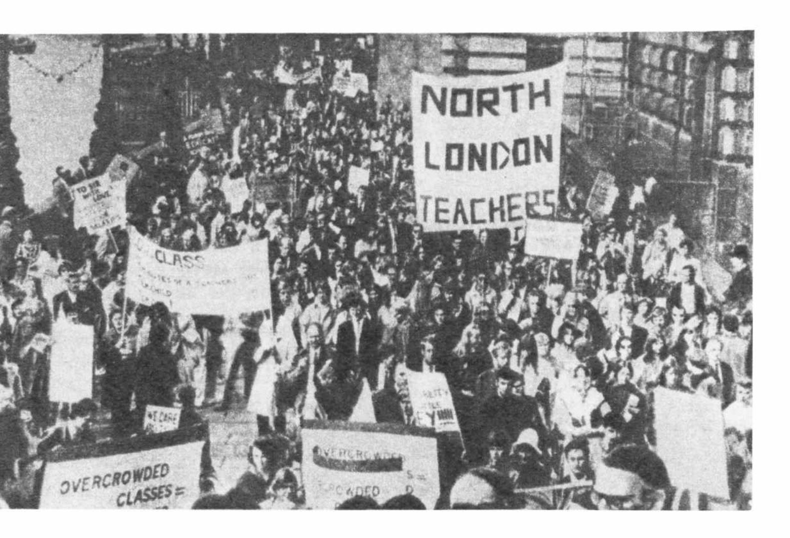
Из Документа.

Западная Германия. Бастуют металлурги Рура. Они требуют увеличения заработной платы. За одну только неделю бастовало больше рабочих, чем за весь прошлый год. Это происходит в стране, которую идеологи Запада пытаются представить как одну из наиболее процветающих и благополучных.

«В Англии развертываются важные классовые бои, включающие политические забастовки в защиту профсоюзов и права на забастовку, которые подвергаются атакам со стороны лейбористского правительства».

Из Документа

Английские трудящиеся активно выступают против политики «замораживания» заработной платы, проводимой лейбористским правительством в интересах монополий.
Недавно более 7 тысяч учителей лондонских школ провели демонстрацию, требуя от правительства повышения заработной платы.

«Мы, коммунисты, выступаем против любых форм угнетения наций и национальных меньшинств, высказываемся за то, чтобы каждая нация или национальная группа развивала собственную культуру и язык, и мы твердо защищаем право всех наций на самоопределение».

Из Документа

За демократические права и отмену полуколониальных порядков, против нищеты и безработицы ведут борьбу патриоты Северной Ирландии.
«Северная Ирландия — не что иное, как английская колония, столь же бесправная и чудовищно управляемая, как и всякая другая колония»,— признает газета «Дейли миррор».
В городах Ольстера выросли баррикады. Появились районы самоуправления, не признающие власти правительства Чичестер-Кларка.
Британское правительство направило войска в бунтующий Ольстер. Армии приказано ликвидировать баррикады. Но ни пулеметы, ни бронетранспортеры не могут сломить решимости и мужества восставших.

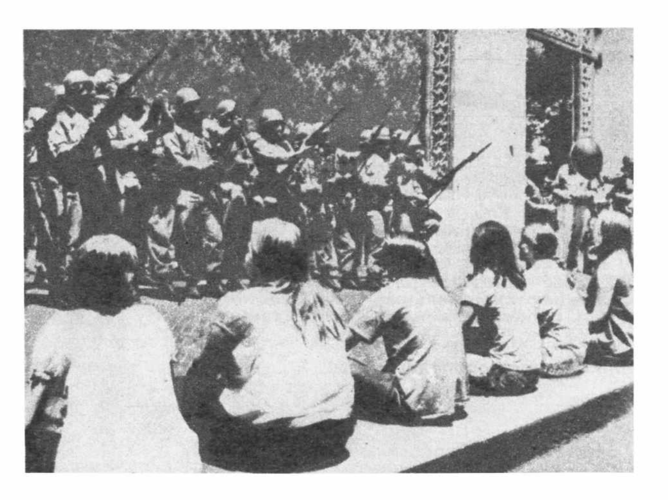

«Мы, коммунисты, вновь обращаемся ко всем честным людям земли с призывом объединить усилия в борьбе с человеконенавистнической идеологией и практикой расизма».

Из Документа

Этот снимок сделан на улицах Лондона. Полиция разгоняет демонстрантов, протестующих против поддержки английским правительством расистского режима Яна Смита. Такие демонстрации состоялись в британской столице под общим названием «Марш чести».

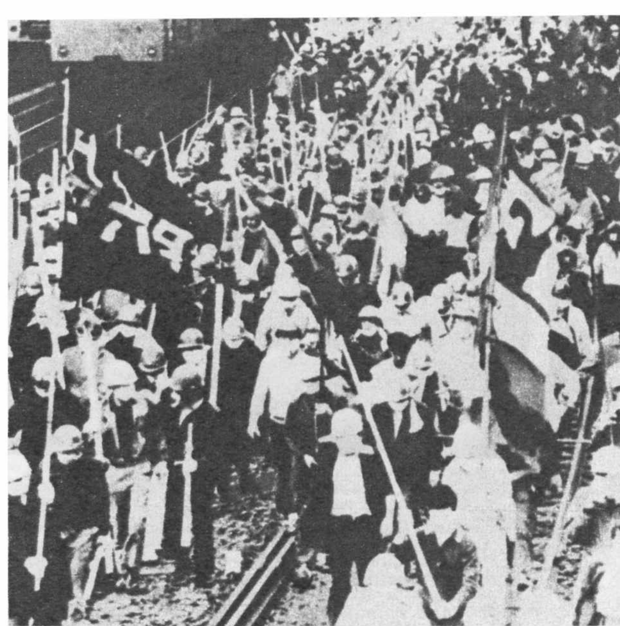
«Широкие массы студенчества выступают не только против недостатков отсталой системы обучения, не только за право иметь свои организации и эффективно участвовать в руководстве учебными центрами, но и против политики господствующих классов».

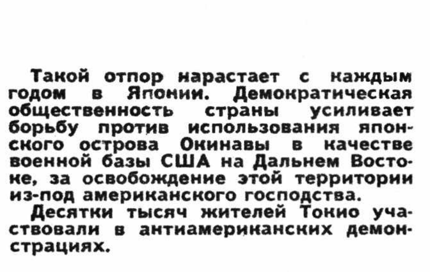
Из Документа

Штыки национальной гвардии направлены против студентов Калифорнийского университета в Беркли. Не только это учебное заведение стало ареной столкновений молодежи с «силами порядка».
Стэнфордский, Мемфисский, Колумбийский, Гарвардский университеты — этот список можно продолжить — были охвачены студенческими волнениями таких масштабов, которых еще не знала страна.
Молодое поколение Америки выражает протест против социальной несправедливости, против агрессивной внешней политики правительства, в первую очередь против войны во Вьетнаме. Бурные дни американских университетов — одно из проявлений кризиса общественно-политической системы США.

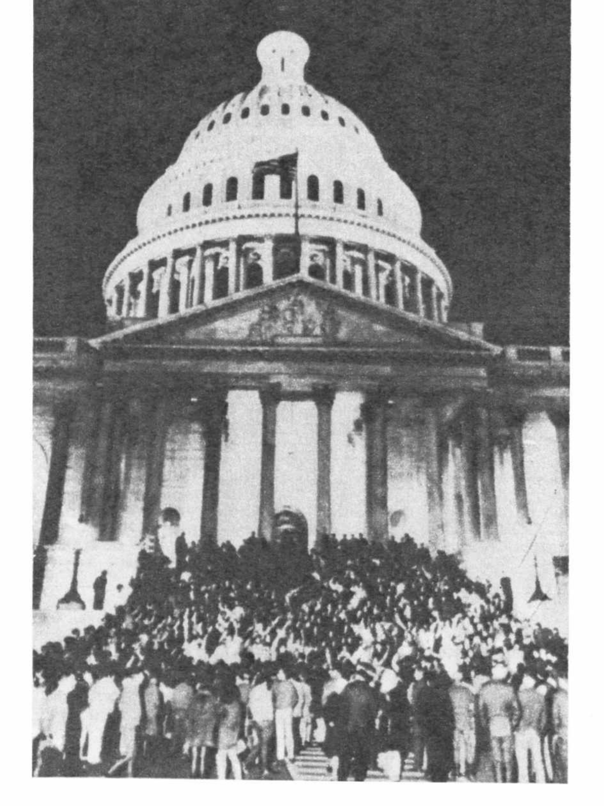
«Вся политика империалистической агрессии, угрожающая миру во всем мире, безопасности и национальной независимости народов, вызывает в капиталистических странах нарастающий отпор со стороны рабочего класса, крестьянства, молодежи, студенчества, самых широких масс, независимо от их политических позиций и мировоззрения».

Из Документа

Такой отпор нарастает с каждым годом в Японии. Демократическая общественность страны усиливает борьбу против использования японского острова Окинавы в качестве военной базы США на Дальнем Востоке, за освобождение этой территории из-под американского господства.
Десятки тысяч жителей Токио участвовали в антиамериканских демонстрациях.

«Преступная интервенция во Вьетнаме привела к значительной моральной и политической изоляции США, подняла против империализма еще более широкие народные массы, новые общественные слои и политические силы...»

Из Документа

Осуждение гражданами Соединенных Штатов агрессивной политики своего правительства достигло небывалого размаха 15 октября, когда по всей стране отмечался День протеста против войны во Вьетнаме. Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл назвал эти выступления «самой крупной мирной демонстрацией за всю историю нашей страны».

«Успехи героического вьетнамского народа убедительно показывают, что в наши дни становится все более возможным для народов, решительно защищающих всеми способами свою независимость, суверенитет, свободу и пользующихся широкой международной поддержкой, нанести поражение империалистической агрессии».

Из Документа

Мужественные патриоты Вьетнама продолжают борьбу против американских агрессоров и сайгонских марионеток, делают все, чтобы военная авантюра американских завоевателей потерпела поражение на вьетнамской земле.

Советский теплоход «Игнатий Сергеев» у причалов хайфонского порта. Он доставил партию грузовых автомобилей.

Советский Союз и другие социалистические страны оказывают бескорыстную, братскую помощь вьетнамскому народу. Непрерывным потоком в Хайфон — морские ворота ДРВ — поступают станки, оборудование, автомобили, тракторы, строительные материалы, горючее.

«Арабские народы продолжают решительную борьбу в защиту свободы, независимости и национального прогресса, за возвращение всех оккупированных территорий, за признание национальных прав арабского народа Палестины».

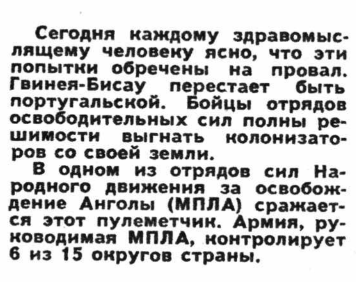
Из Документа

В борьбе за освобождение родины от израильских захватчиков принимает участие весь народ ОАР. Студенты-добровольцы на огневых позициях в зоне Суэцкого канала.

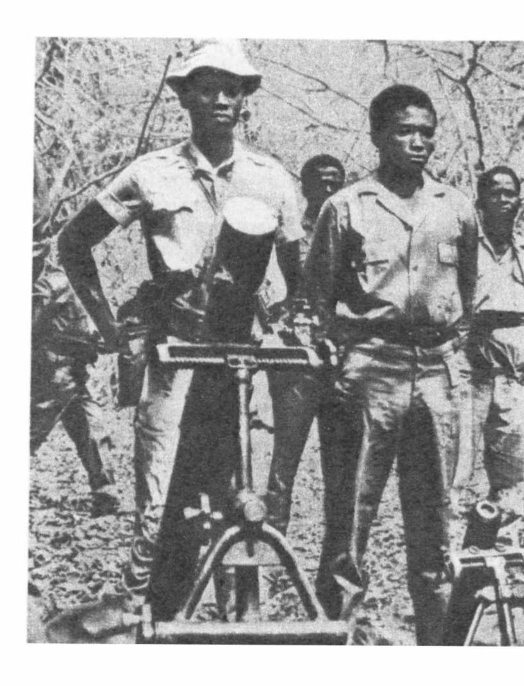
«Силой оружия и опираясь на помощь НАТО, португальские колонизаторы пытаются удержать свои владения».

Из Документа

Сегодня каждому здравомыслящему человеку ясно, что эти попытки обречены на провал. Гвинея-Бисау перестает быть португальской. Бойцы отрядов освободительных сил полны решимости выгнать колонизаторов со своей земли.

В одном из отрядов сил Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) сражается этот пулеметчик. Армия, руководимая МПЛА, контролирует 6 из 15 округов страны.

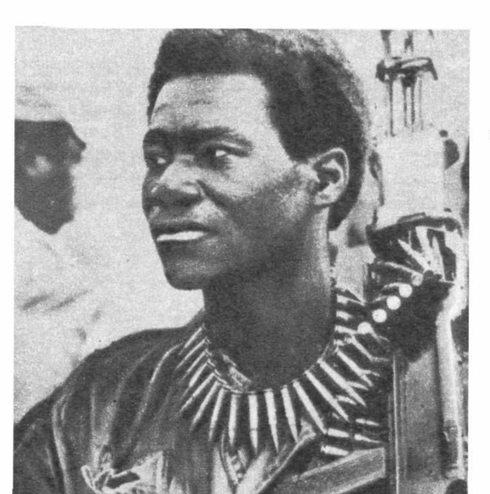

Фото ТАСС, ЮПИ, журнала «Ви увриер».

ВСЕ ЕЩЕ...

Пабло НЕРУДА

Имя Пабло Неруды известно во всем мире. Он один из крупнейших поэтов современности, выдающийся общественный деятель. Ему присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». Сейчас поэт-коммунист Пабло Неруда выдвинут кандидатом в президенты своей страны от Компартии Чили.
Эти стихи Пабло Неруда написал в самое последнее время, в канун своего 65-летия. Они вышли в Чили отдельным изданием. Мы рады познакомить с ними наших читателей.

Страна моя, мокрая роза, Араукарийка,
внутри себя самого и в захолустьях воды
я ощущаю все твои корни, все кубки предков,
останки лиственниц и мертвых араукарий,
имя твое поблескивает в моих заглавиях,
подобно рыбам, вынутым из желтой корзины!
Ты серебряная, порою ты дурно пахнешь,
пахнешь злобой, штормами, лихорадкой.

Сегодня, когда день широко разросся,
чтобы стать, как земля, и даже еще шире,
когда свет расцвел, обнаружив пространство,
накатил твой дождь, принес на своих шпагах
портрет изрешеченного прошлого,
всю любовь невыносимой этой земли
с ее дорогами, которые меня уводят
сквозь обугленные деревья
к Южному полюсу.

* * *

Чили, отчизна, Зимянка, Араукарийка,
Левиафанка, Архипелагиня, Океанна!
Сюда испанец в своих бурых ботфортах,
оседлав нашествие, словно тошноту,
на своем коне, подобном волне,
открыватель, спустился из Гватемалы,
от лепешек маисовых, пахнущих смертью,
от антильской жары, похожей на роды,
спустился сюда от невзгод пораженья,
чтобы здесь потерять свой меч, Богоматерь,
свой кров, и ноги, и руки,
и душу.

Сегодня, шестидесятипятилетний,
глядя назад,
глядя вниз
и вверх,
я начал открытие открывателей.
Вот с первым своим колибри Колумб —
с наручной птичкой, с маленькой молнией,
вот Педро де Вальдивья без шляпы,
а там возвращается без головы
Писарро в кругу унылых людей[1].

А следом Алонсо — наш светлый Эрсилья [2].

* * *

Эрсилья — дерево в пыли дорожной —
алмазный странствующий кабальеро,
в этих водах брел, плыл по этим дорогам,
и, хотя стервятники не тронули щеголя
и вернули его, как лишнюю карту,
каменистой, пылящей испанской земле,—
только он, одинокий, один и открыл нас:
голубь со щедрым сердцем, он в нас,
как в чаще, четыре века назад
запутался и оставил наследство —
вечную цвета крови любовь.

* * *

Потом появились другие: славные,
медлительные, расчетливые чилийцы,
воздвигли сырые дома (в них я вырос)
и водрузили чилийское знамя
в этом холоде, чтобы оно замерзло,
на этом ветру, чтобы оно трепетало,
в проливном дожде, чтобы оно рыдало.
Мир наполнился карабинерами,
появились кузницы,
а зонты
стали новыми видами местных птиц,
однажды даже прибыли книги
на Фронтеру, как нарекли это место,—
главу, которую не я написал,
а где меня написали на свете.

Индейцы Ара́уко стали корнями!
С них оборвали всю их листву,
пока не остался лишь голый остов
расы — навсегда погибшее дерево,
и страдали они не столько в сражении,
где дрались, как бешеный ураган,
как скалы, тела без боли, архангелы,—
а позже, когда они, почитаемые,
поняли, как им земли не хватает,
которая ушла у них из-под ног:
уже в Арауко правила кровь,
настало царствование грабежа,
и грабителями были мы с вами...

* * *

Простите, что я все время,
рассказывая про себя,
сбиваюсь на эту землю.
Такая это земля.
Если в тебе растет она,
значит, и ты растешь.
Если в тебе погасла,
гаснешь и ты.

* * *

Растет человек во всем, что растет,
и Педро растет со своею рекою.
С деревом, растущим безмолвно,
слово мое растет
и растет
из безмолвия, пронизанного корнями,
из семян, не могущих долго ждать,
от пшеничных дней,
от водных пространств,
от солнца, закрытого облаками,
без его на то разрешенья,
от лошадей, потеющих в дождь.

* * *

Все умоляли,
все просили: «Глупый!
Останься здесь.
Кровать в саду мягка.
Все под рукой:
к тебе спешат жасмины
и слава европейская.
Вино,
как добрый бык, восходит к Парфенону.
Рифмованные заросли Расина
и золото на мраморе — Петрарка!..»
Всегда я уходил, чтобы вернуться:
земля меня давала в долг, теряла
и с опозданьем молотила в дверь,
звала назад, вместившись в облик птицы.

Теперь я стал медлительно трехцветным,
уже пронзительный индейский перец,
излюбленные блюда и томаты,
октябрьские гитары, города
незавершенные и главы леса,
прочтенные лишь по диагонали,
и водопад на яростном Айсене,
который буйной белизной каскада
разъял большую гору на две груди
под водяною пылью, и луна
над досками сопревшими Ланкочи,
и запах бедных рынков, мертвых раковин,
церквей и лиственниц архипелага,
мой дом и Партия в пожаре дней,
и ты, южанка, друг моей души,
хозяйка глаз моих, моя охрана,
все то, что мы зовем дождем и родиной,
все то, чему не до тебя, все то,
что ранит, а порою приласкает,
весь этот шум, что с каждым днем все шире,
а с каждой ночью — звездней и точней,
меня вернул, оставил здесь навечно;
и пусть весь мир узнает, что земля
(по крайней мере, так оно со мною)
располагает мной и мной творит.

* * *

Мы, смертные, притрагиваемся к металлам,
к ветру, океану, камням, понимая,
что они останутся, остынув или пылая.
Я мир открывал, чтобы всему дать названья,
моим уделом было любить и прощаться.

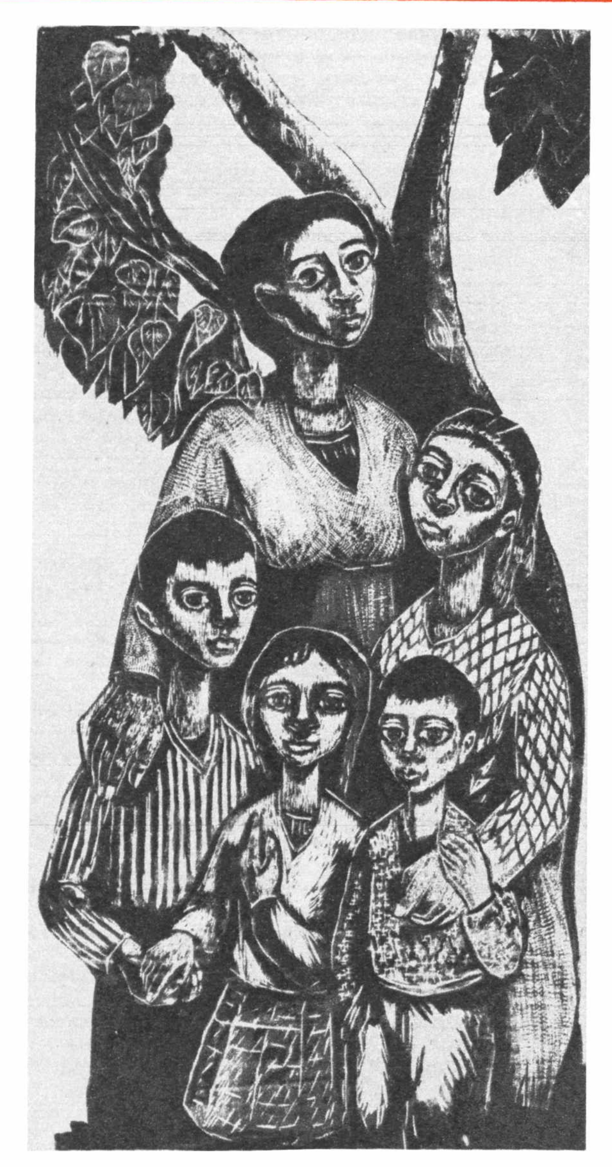
* * *

Каждый спрятал в самом тайном мешке
потерянные драгоценности воспоминаний,
жар любви, глубь ночей или вечные поцелуи,
кусочек общественной или личной радости.
Некоторые живчики коллекционируют ляжки,
другие любят рассвет, разгребают
Кордильеры и храмы, поезда и числа.
Мне радостью было делиться напевом,
хвалой, проклятьями и слезами.
Простите, если я вел себя плохо:
мои хлопоты на земле были без пользы...

* * *

Ночь в сентябре от холода продрогла.
Я на одежде нес
печаль состава, несшего меня
по бесконечной череде провинций,—
я был давнишним существом,
чей разум затуманен
дымом паровоза.
Я был и не был.
Тогда я и сошелся с жизнью.
Моя поэзия разъединяла
меня с людьми, соединив со всеми.
В ту ночь
мне выпало провозгласить весну.
Мне, бедному печальнику,
пришлось снять одеянья
с нагого тела ночи.
Я весь дрожал, читая мой напев
двум тысячам несхожих глаз.
А ночь пылала
во весь свой мрачный пламень,

[1] Вальдивья, Писарро — испанские конкистадоры.
[2] Эрсилья — испанский поэт, описавший захват Чили в поэме «Араукана».

Гинес Контрерас. Сироты.

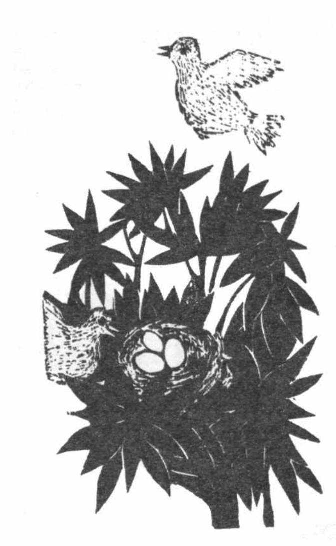

Похороны горняка.

Рисунки художников Чили.

Сантос Чавес. Пастушок на луне.

Гнездо.

Голубь и девочка.

и город раздувал его и множил
в мгновения стремительных контактов.

В ту полночь одиночество погибло?
Или родился я из одиночества?

* * *

Дни не редеют, и не густеют они, как пчелы,
пламенеющие от нектара или темнеющие
от яда в жале. Состязание продолжается,
и нет конца путешествиям от меда к боли.

Нет, не распускается сетка дней: нет сетки.
Время не капает из акведука: нет акведука.
Сон не делит жизнь на две половины,
ни тишина не делит, ни дело, ни добродетель:
словно камень,
жизнь была одиноким движеньем,
одиноким костром,
дышащим в просвет между листьев,
стрелой медленной или юркой,
но одною-единственной,
металлом, который разгорелся, погас —
сгорел в твоем теле.

* * *

Сто два года между Парра́лем и смертью
прожил мой дед дон Хосе Анхел Перес,
достойнейший кабальеро-крестьянин
с клочком земли и избытком детей.
Я вижу его, столетнего, снежного,
его древняя борода была синей,
а он еще, чтобы меня повидать,
садился в поезд и в третьем классе
трясся от самого Кауке́наса.
Дон Хосе, бессмертник, ехал на Юг,
чтобы выпить со мною рюмку (последнюю),
он столетней своей рукой поднимал
вино, дрожавшее, точно бабочка.

* * *

Я жил в колоде неродившихся стран,
в колониях, еще не умевших рождаться,
среди неопубликованных знамен для крови.
Я жил в самом пекле израненных наций,
чужим хлебом заедал мои горести...

* * *

Я помню как-то, близ Антофагасты,
среди людей с напрасною судьбою,
в песчаном цирке
пампы,
не видя и не слыша ничего,
остановился я перед ничем.
В пустыне воздух вертикален
и нет зверей (нет даже мошкары),
одна земля — луна, где нет дорог,
сферическая полнота планеты,
тугой простор из мглы и минералов,
и я один — осмысливаю землю:
могучая, без птиц и без людей,
она в своей огромности
как будто уничтожила все жизни,
чтобы воздвигнуть эту тишину.

* * *

Завод, где потрошат китов, в Кинтае,
пустой, со складами пустыми, мусором,
с засохшей кровью на камнях, с костями
млекопитающих монархов моря,
заржавленные прутья, ветер, волны,
крик альбатроса, ждущего корабль.

Куда ушли киты — в другое море?
Бежали от кровавых берегов?
Или, на бархатное дно уйдя,
из глубины нерасторжимой молят
казнить океанических чилийцев?

Никто не заступился за гигантов!

Июльским днем я прихожу сюда,
поскальзываясь на жиру застывшем,
меня мои ботинки тащат к полюсу,
неведомая сила неуклонно
влечет меня на берег океана,
печаль, свинцовая, как зимний день,
ведет меня по мертвому безлюдью,
где потрошат китов...

* * *

Если встретишь расколотый камень,—
я частица его,
я близко знаком с молнией,
с волной,
с пожаром земли.
Уважай расколотый камень.
Если встретится по пути
ребенок,
ворующий яблоки,
или глухой старик
со стареньким аккордеоном,—
вспомни, что я —
ребенок, старик и яблоки.
Не гоняйся с кнутом за ребенком,
не бей старика бродягу,
не сваливай яблоки в реку.

Перевел с испанского
Павел Грушко.

Виктор ПОЛТОРАЦКИЙ

ВАГОН ДРОВ

С высокого нагорного берега Клязьмы во Владимире открывается необозримая панорама лесного заречья. Справа, сразу же за рекой, широко, будто зеленое море, раскинулась Мещерская сторона, а слева, немного севернее Судогды, синеют могучие боровые леса, которые называют тут Синеборьем.

Мещера знакома мне с детства, а вот в Синеборье давно я собирался побывать, да както не выпадало подходящего случая. И вот выпал случай. Выехал я на попутной машине. Не доезжая Судогды, свернули на едва приметный, мало наезженный летничек, а он вывел на каменку, мощенную серым булыжником. Окаймленная с обеих сторон высокими лиственницами, дорога напоминала аллею старого парка. За лиственницами поднимался сосновый бор. Деревья — одно к одному, высоки, прямоствольны, стоят в линейном порядке, как гренадерский полк на смотру.

— Прежде все это были дачи помещика Храповицкого,— объяснил мне знакомый со здешними местами водитель.— За порядком следил тут ученый-лесовод Тюрмер. Много полезного сделал. А сам-то Храповицкий думал только о том, как бы из лесов капитала побольше выкачать. После революции он за границу подался, во Францию. Там и помер. Жена у него была совсем глупая,— добавил разговорчивый шофер.

— Что так?

— Ну, сами посудите. В тридцатых годах присылает она здешним колхозникам письмо из Франции и пишет, что барин, мол, скончался и оставил ее без средств. И вы, дескать, должны высылать мне на пропитание, а я за это землю и лес обратно не буду требовать...

— А колхозники?

— Колхозники прочли письмо, посмеялись и ответили ей: дура, мол, ты, бывшая барыня. Землю и лес у нас теперь уж никто не возьмет. Вечно владеть будем...

За разговорами незаметно доехали мы и до Чамерева. Село это выглядит необычно: на горке в окружении сосен и старых берез стояли дома сплошь с вывесками: «Участковая больница», «Школа», «Сельский Совет», правление колхоза «Красное Синеборье», «Библиотека». Были тут магазины сельпо, хлебопекарня, клуб. Немного поодаль стояла старая, давно уже закрытая церковь.

Душа Синеборья — лес. В самом названии этой местности колоколами гудят могучие сосны. Особенно дивны боры-беломошники. Зеленые купола прямоствольных сосен вознесены высоко-высоко и там, в своей вышине, о чем-то шепчутся они с белым пушистым облачком. А под ними тихо и чисто, как в горнице. Сухой белый мох пружинится под ногами. Идешь — и вдруг прогалина, щедро залитая солнечным светом. И тут уже не мох, а пунцовые звездочки дикой гвоздики, скромный желто-фиолетовый ситчик Ивана-да-Марьи, розовая кашка, седые пучки белоуса, а среди этого разноцветья спелые-переспелые, сладкодушистые ягоды земляники.

По-своему хорош и березовый лес, опоясанный на опушках кустами орешника, ярко-зеленый, будто праздничный, обласканный солнцем и птичьим щебетом...

Недалеко от Чамерева, в деревне Бокуше, я познакомился с лесником Александром Медведевым, высоким, темно-русым, еще молодым человеком. Дело свое любит он самозабвенно и, как выяснилось, учится на заочном отделении Муромцевского лесотехнического техникума. Он много рассказывал мне о здешних лесах, о новых посадках сосны и сибирского кедра, о борьбе с огнем и лесными вредителями, о заповедном урочище Удел, где растут боровые сосны, которым уже за двести лет, а они еще такие могучие и крепкие, что, если стукнешь легонько по стволу обушком топора, отзываются медным звоном. Высота — тридцать пять метров. Одно дерево может дать до двенадцати кубов деловой древесины.

— Наверное, такие и рубить жалко?

— А их и не рубят. Здешние леса не подлежат вырубке. Они водоохранное значение имеют. Выруби — реки иссякнут и земля высохнет. Вообще-то такие леса еще сам Владимир Ильич Ленин беречь завещал.

— Откуда же это известно?

— Да вот говорят, что вскоре после Октябрьской революции один человек из здешних мест побывал у товарища Ленина.

Кто именно был у товарища Ленина, лесник не мог мне сказать. Сам-то он еще в детстве слыхал об этом... И тут я вспомнил, что однажды, просматривая газеты первых лет революции, обнаружил любопытную заметку, которую даже переписал в свою записную книжку. Она была напечатана в «Правде» за 26 февраля 1919 года. Вот о чем сообщалось в ней: «На заседании волостного Милиновского исполкома Судогодского уезда вернувшийся из командировки в Москву, Иванов сказал, что т. Ленин, одобряя политику их исполкома, шлет привет и сердечное спасибо. Т. Иванов в то же время указал, что т. Ленин работает в плохо отопленной комнате. По этому поводу волостной исполком постановил: послать т. Ленину вагон дров на средства исполкома, а в случае надобности поставить железную печь руками своего кузнеца».

Решив уточнить, кто же такой этот т. Иванов, по какому поводу он ездил в Москву и действительно ли был у товарища Ленина, я обратился за справкой во Владимирский областной архив. К сожалению, там сведений на этот счет обнаружить не удалось. Но, перечитывая воспоминания Л. А. Фотиевой, работавшей в те годы личным секретарем В. И. Ленина, я встретил упоминание о том, что в начале 1919 года на приеме у Владимира Ильича был крестьянин Иванов из Судогодского уезда, Владимирской губернии. Тут же Л. А. Фотиева писала: «Владимир Ильич любил умеренную температуру в комнате, и по его распоряжению мы следили, чтобы температура в кабинете была не выше четырнадцати градусов тепла. Если ртуть поднималась выше, открывали трубу».

Иванов об этом, конечно, не знал, поэтому, вернувшись домой, и рассказывал, что Ленин работает в плохо отопленной комнате.

Значит, Иванов действительно был у В. И. Ленина. Но какую же политику Милиновского волисполкома одобрял Владимир Ильич? О чем Иванов разговаривал с Лениным? И что это за кузнец, руками которого в случае надобности милиновцы обещали поставить железную печку в ленинском кабинете?

Чтобы выяснить все это, надо было поехать в Милиново и разыскать там если не самого Иванова, то хотя бы тех, кто знал и помнил его.

Во Владимире знающие люди предупреждали, что из-за бездорожья и дальности расстояния от районного центра Милиновский сельсовет считается, как бы сказать, медвежьим углом. Дорога действительно оказалась очень плохой — сплошные колдобины и ухабы, а шедшие все лето дожди и вовсе испортили ее. В довершение ко всему выяснилось, что и исполком сельского Совета несколько лет уже как переведен из Милинова в другое село, расположенное поближе к шоссе. В Милинове же теперь находится лишь одна из производственных бригад совхоза.

Само село со всех сторон окружено лесом. На окраине его разместились загоны и постройки животноводческой фермы, а в центре встретился небольшой магазинчик сельпо, акушерско-фельдшерский пункт и отделение связи. Заведующая этим отделением, она же и почтальон, молодая женщина Клавдия Кузнецова, узнав о цели моего приезда, сказала:

— Ой, боюсь, что ничего-то вы не добьетесь. Мало народа осталось у нас в Милинове. Прежде было двести с лишним дворов, а теперь всего пятьдесят шесть... Насчет того, что вагон дров товарищу Ленину отправляли,— это, конечно, точно. Мой папаша как раз в погрузке участвовал. Вот он, пожалуй, мог бы что-нибудь рассказать, да опоздали вы: уже четыре года, как умер папаша... А Ивановых в селе у нас нет и не было. Я-то уже знаю. Почтальону как же не знать? Да помнится, что и папаша рассказывал, будто приезжал тогда к нам какой-то товарищ из Судогды. Может, это и был как раз Иванов?

— Ну, а насчет кузнеца?

— Кузнец был. Кузнеца тут все помнят. Только лучше всего о нем расскажет сосед его, Григорий Яковлевич Киреев. Хотите — сведу к нему?

Мы пошли по тихой улице. Ни ребятишек, играющих на траве-мураве, ни пожилых людей, отдыхающих на завалинке, как это обычно встречается в деревнях, здесь что-то не видно было. Село казалось безлюдным. Однако кресты телевизионных антенн, то тут, то там подымающихся над крышами, свидетельствовали: люди в Милинове есть и даже из этого тихого села им видно, что творится на белом свете. А относительно безлюдности улицы почтальонша высказала такое предположение: «Трудоспособные — на работе, а старые да малые в лес по грибы ушли».

Григория Яковлевича Киреева застали мы дома. Ему восемьдесят три года. Стар, давно уже на пенсии, но еще занимается кое-чем по домашности — вот грядочку клубники посадил, из ульев медок выбрал...

На вопрос, интересовавший меня, ответил:

— Ничего сказать не могу. Времени-то уж больно много прошло — пятьдесят лет... Кузнец? Ну, кузнеца-то как же не знать? Он вот в энтой избе жил, рядом со мной. На все руки мастер, что по кузнечному делу, что по

М. Кривенко (Киев). ЗА ЛЕНИНСКИМ МАНДАТОМ.

Д. Налбандян (Москва). ВСЕГДА С НАРОДОМ.

М. Буря (Кишинев). 1917 ГОД.

кровельному. Ему и фамилия такая была — Кузнецов, а звали Степаном. Сын его, Иван Степаныч, тоже пошел по кузнечной части, но теперь уже и он помер. А внуки — один здесь трактористом работает, другой фельдшером.

Леса у нас громадные. Но до революции владели ими помещики да купцы. А еще казенный был лес. После революции, конечно, и крестьяне маленько попользовались, но потом комитет запрещение вынес.

— Какое запрещение?

— А уж я и не помню какое,— уклончиво ответил старик.

— Ну, а как теперь живете вы здесь?

— Ничего. Да мне-то что, теперь уж молодым жить. Вон младшая дочь в Вологде врачом работает. В прошлом году гостил у нее — хорошо живет. Внуки растут.

Разговаривали мы, сидя на лавочке, возле дома Григория Яковлевича. Подошел другой сосед, Иван Козлов. Мужчина лет пятидесяти с лишним, крепкий и бойкий.

— По какому вопросу интересуетесь? — спросил он.

Я объяснил.

— Насчет этого не в курсе. Если по производственной части, тогда другое дело,— сказал Козлов и пошел...

После поездки в Милиново я решил побывать еще в Судогде и от старожилов этого городка, где почти все знают друг друга и каждый человек у всех на виду, узнал, что в 1918—1919 годах в земельном отделе уездного исполкома работал товарищ по фамилии Иванов и что этому Иванову часто приходилось разъезжать по волостям и на местах решать наиболее острые вопросы крестьянской жизни. Одним из самых острых был тогда и вопрос об отношении к лесу. Дело в том, что хотя Судогодский уезд и считался в губернии чуть ли не самым лесным, да леса-то здесь, как уже рассказывал старик Киреев, до революции принадлежали не крестьянам, а либо помещикам, либо коммерсантам-лесопромышленникам, которые по семь шкур драли с крестьян за каждое дерево, за каждый воз сухостоя. А помещик Храповицкий, так тот даже грибы собирать в его лесных дачах запрещал. Зато уж после революции мужицкий топорик разгулялся в судогодских лесах. Особое усердие в этом проявили наиболее зажиточные, «лошадные» крестьяне. Возле их дворов появились целые штабеля строевого леса, огромные поленницы дров. Рубили и везли «про запас». Вот тогда-то комитет бедноты и исполкомы Советов потребовали запретить самовольные порубки и даже отобрать у порубщиков то, что они нахапали, пользуясь случаем. На сельских сходках вокруг этого разгорались жаркие споры и схватки. Одним из первых за запрещение самовольных порубок леса высказался Милиновский волостной исполком.

Обо всем этом я узнал в Судогде.

Кое-что новое нашлось и во Владимирском областном архиве. В газете «Известия Владимирского губернского и уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» за 30 января 1919 года мы нашли сообщение о том, что «вернувшийся из командировки в Москву т. Иванов выступил на заседании Ягодинского волисполкома Судогодского уезда». Оказывается, и там тоже было принято решение: «...послать с Ильичевского разъезда Московско-Казанской ж. д. вагон дров товарищу Ленину». Встретилась также заметка о том, что Милиновский волостной Совет постановил помочь беднейшим солдаткам, выдав по 120 рублей на каждую красноармейскую семью для выкупа хлебных пайков. Наконец, удалось обнаружить резолюцию Судогодского уездного съезда Советов, один из пунктов которой гласил: «Не допускать расхищения леса, как достояния всей страны».

Теперь передо мною уже яснее вырисовывалась история, которую я впервые услышал от лесника в Синеборье.

В конце 1918 года в Москве открылся I Всероссийский съезд земельных отделов, комитетов бедноты и коммун. 11 декабря на съезде выступал Ленин. Владимир Ильич говорил о том, что деревня, та самая деревня, которая, как один человек, боролась против помещиков, теперь перестала быть единой. В ней возникли два лагеря — лагерь трудящегося беднейшего крестьянства, который вместе с рабочими твердо идет к социализму, и лагерь более зажиточных крестьян. Борьба отколола окончательно от революции имущие эксплуататорские классы. Но деревенская беднота вместе с трудящимся средним крестьянством составляет громадное большинство...

Дело социалистического строительства стало в России теперь прочнее, говорил Ленин. Теперь оно приобрело основу и в громадной массе деревенского населения.

Слова Ильича западали глубоко в сознание каждого делегата съезда, и, когда он закончил свою речь, зал откликнулся долго не смолкавшим шумом аплодисментов.

Среди участников съезда был и представитель судогодского земотдела Иванов. После съезда он задержался в Москве и в самом начале нового, 1919 года попал, как вспоминает Л. Фотиева, на прием к товарищу Ленину. Как раз в это время Владимир Ильич только что прочитал глубоко заинтересовавшую его небольшую книжечку А. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом», в которой описывался опыт деятельности органов Советской власти в захолустном Весьегонском уезде.

Можно предположить, что, беседуя с Ивановым, Владимир Ильич расспрашивал его: а как живут крестьяне в Судогодском уезде, как и чем озабочены сельские Советы и комитеты бедноты?

Иванов, конечно же, рассказал об открытии школ в Ягодинской волости, о том, как помогает Милиновский волостной исполком семьям красноармейцев, о подавлении кулацкого восстания в селе Мошок, о жарких спорах насчет лесопользования и о той твердой линии, которую проводит в этом вопросе Совет: не допускать расхищения леса.

Одобрив такую политику местных Советов, Владимир Ильич передал крестьянам «привет и сердечное спасибо».

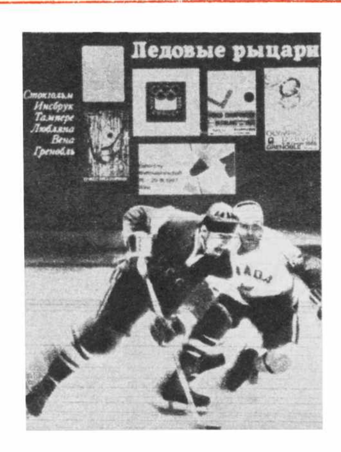
Возвратясь из Москвы домой, Иванов рассказывал землякам о съезде, на котором он был, о встрече с товарищем Лениным. Иванов говорил и про ленинский декрет о земле: «Владимир Ильич в том декрете леса всенародным достоянием объявил и беречь их требовал, поскольку они народу принадлежат». Рассказывал он и о том, что в Москве очень трудно с топливом. Зима только еще началась, а люди живут в холодных, почти не отапливаемых помещениях. Чтобы как-нибудь обогреться, ставят небольшие железные печки. Иванов сказал землякам, что даже Владимир Ильич работает в плохо отопленной комнате...

Заслушав такое сообщение, многие волостные исполкомы Судогодского уезда принимали тогда решение: «...отправить в Москву, товарищу Ленину вагон дров». Для подвозки дров к железнодорожным станциям устанавливалась гужевая повинность, которая в первую очередь распространялась на «лошадных», зажиточных крестьян. В погрузке участвовали сельские коммунисты, члены комбедов. В числе их был и отец милиновской почтальонши.

...С тех пор прошло пятьдесят лет. Социалистический порядок, о жизненной важности образования которого говорил Владимир Ильич на I Всероссийском съезде земельных отделов, прочно установился в нашей стране. Вступив на указанный Лениным путь коллективизации, далеко вперед шагнула деревня. Многое изменилось, усовершенствовалось в практике местных Советов. Неизмеримо обогатился их опыт, расширилась сфера деятельности. Но ленинский завет беречь леса как народное достояние и поныне не утратил живого значения и актуальности.

Бывая в Мещере, Синеборье и других районах Владимирщины, не раз встречался я с подлинно хозяйским, заботливым отношением к лесному богатству. Видел тысячи гектаров новых лесопосадок под Судогдой, Гусь-Хрустальным, возле Петушков и Покрова. Знаю подлинных энтузиастов лесного дела. Вот, к примеру сказать, за двадцать лет своей работы в лесхозе под Петушками женщина-лесничий И. И. Гричева насадила более тридцати тысяч гектаров леса.

Но беречь лесное богатство — это значит не только охранять от неразумной, варварской вырубки и не только закладывать новые делянки посадок, а и поддерживать порядок в спелом лесу. К сожалению, как раз возле Милинова леса захламлены валежником, сухостоем. Есть делянки, задыхающиеся от дурного подлеса. Да разве это только возле Милинова? Еще мало ли у нас гибнет зеленого золота? А его надо беречь — завещано Ильичем!

ФОТОЛЕТОПИСЬ ХОККЕЯ

Красочный, отлично напечатанный фотоальбом «Ледовые рыцари», выпущенный издательством «Физкультура и спорт», посвящен шести чемпионатам мира, на которых советские хоккеисты раз за разом побеждали своих грозных соперников: шведов, канадцев и чехословацких хоккеистов.

Журналист Б. Базунов, отлично знающий историю советского хоккея, побывавший на многих соревнованиях, о которых он пишет, используя работы наших известных фотокорреспондентов Б. Светланова, Л. Бородулина, В. Киврина, В. Ун Да-сина, В. Шандрина, Ю. Шаламова, вспоминает о былых схватках, о наших замечательных хоккеистах. И не случайно открывается книга фотографией капитана сборной СССР первого созыва Всеволода Боброва. Это он и его соратники — Н. Пучков, Н. Сологубов, Е. Бабич и многие другие — закладывали основы большой хоккейной славы. А вот и преемник этой славы Борис Майоров — его фотографией открывается глава о Стокгольмском чемпионате 1963 года, на котором спартаковская тройка добилась своего первого международного успеха.

Перелистываешь страницу за страницей и вспоминаешь инсбрукские баталии, встречи в Тампере, люблянский триумф, где прогремели новые имена — В. Викулов и В. Полупанов. А вот и венский стадион, на льду которого была одержана еще одна славная победа, после которой президент Международной федерации хоккея Д. Ахерн вынужден был заявить западным журналистам: «Я вас должен огорчить, господа, но поверьте, пока эти парни будут играть в хоккей, у их команды никто не выиграет ни на одном чемпионате мира».

Уважаемый президент не учел только одного: когда «эти парни» заканчивают свой спортивный путь, их сменяют другие парни. В этом господин Ахерн смог убедиться и в Любляне и на Олимпийских играх в Гренобле, где в составе сборной команды СССР отлично дебютировал Евгений Зимин, а недавние новобранцы Викулов и Полупанов вместе со своим вожаком А. Фирсовым стали уже признанными хоккейными метрами.

Гренобльская глава — одна из самых содержательных и интересных. И это не случайно. Как никогда, напряженно проходила борьба. Как никогда, драгоценной была победа нашей команды на Белой олимпиаде. Тогда в Гренобле нам казалось, что хоккейные схватки не могут достигнуть большего напряжения. Теперь, после чемпионата мира 1969 года в Стокгольме, мы знаем, что это не так. Но о последней главе в истории нашей славной сборной в книге Б. Базунова еще ничего не сказано: альбом уже был сдан в производство. Будем же надеяться, что во втором издании мы сможем прочесть еще об одном чемпионате мира, на котором наша сборная одержала свою седьмую подряд и самую трудную победу.

В. ВИКТОРОВ

Л. ЗЕМЛЯННИКОВА,
заведующая культурно-массовым отделом ВЦСПС

11.000.000 ТАЛАНТОВ...

Фото А. Бочинина и З. Голубчина.

Оглядываясь на полувековой путь, мы с гордостью отмечаем, что годы борьбы и трудовых свершений народа стали годами подлинной культурной революции, годами величайших преобразований в сознании советского человека.

Сошлемся на цифры, а цифры, как говорится, упрямая вещь.

В стране сейчас имеется свыше 700 тысяч различных культурно-просветительных учреждений: театров, музеев, киноустановок, библиотек, клубов. На смотрах и фестивалях выявляются все новые и новые народные таланты, и с каждым годом их становится все больше.

Сейчас число самодеятельных коллективов приближается к полумиллиону; в них участвует около одиннадцати миллионов человек.

ДВОРЦЫ — РАБОЧИМ

Дворцы и дома культуры, клубы, умеющие правильно понять свои основные задачи, стали любимым местом отдыха рабочих, служащих и членов их семей. Задачи эти не так-то просты. Это задачи особые, задачи культработников, культпросветчиков. Прежде всего они должны понимать людей и иметь к ним подход, учить их тому, как вместе проводить досуг интереснее и полезнее.

Нельзя не вспомнить о ленинградском Дворце культуры имени Горького. Здесь стали традиционными тематические вечера революционной, боевой и трудовой славы. Проводятся встречи с ветеранами партии, с участниками гражданской и Великой Отечественной войн, с новаторами производства, героями труда... Привлекают молодежь вечера «Нарвская застава», «Борцы за народное счастье».

А вот и другой пример: Дом культуры трех московских заводов — «Станколит», «Борец» и «Спецстанок». Тут привлекли тысячи рабочих на Ленинские пятницы, Ленинские чтения. Здесь всегда торжественно проходит «Посвящение в рабочие». Интересными бывают вечера «Годы, отданные заводу», устные журналы, которые выпускаются по хорошей традиции уже более десяти лет.

С каждым годом завоевывают все большую популярность объединения «по интересам». Любители певчих птиц, автомотоспорта, садоводы или цветоводы, охотники и рыболовы, собиратели почтовых марок, художественных открыток, старинных монет собираются, чтобы решать какие-то общие дела... Все они, безусловно, полезны. И вот почему. Мы часто говорим о необходимости проникнуть и в сознание и в сердце тех, кто к нам приходит. А для этого прежде всего и нужно знать то, что дорого сердцу каждого человека,— знать то, чем он увлекается... Занимаясь в клубе любимым делом, человек постепенно втягивается в клубную жизнь, испытывает потребность чаще встречаться с друзьями. А это и есть одна из основных задач клуба — воспитывать общественные черты характера у человека.

Деловые встречи, интересные вечера приучают людей к разумному отдыху, рождают общность интересов. Совместная же работа рождает чувство коллективизма, уверенность в собственных силах. Люди начинают чувствовать себя не гостями в клубах и домах культуры, а настоящими, полноправными их хозяевами.

НАША ГОРДОСТЬ — НАРОДНЫЕ ТЕАТРЫ

«Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать»,— призывал Владимир Ильич. И сегодня мы с удовлетворением отмечаем, что завет вождя успешно выполняется. В нашей стране созданы самые благоприятные условия для роста народных талантов.

Одиннадцатилетняя история Народного театра балета при Дворце культуры завода «Ростсельмаш» — яркое свидетельство тому, как из хореографического кружка, выработавшего свои хорошие традиции, вырос самобытный творческий коллектив. Ему под силу оказались такие, например, спектакли, как «Бахчисарайский фонтан» Асафьева, «Корсар» Адана, «Мирандолина» Василенко, «Тщетная предосторожность»... Здесь родились и современные балеты на героическую тему: «К звездам» (на музыку Д. Шостаковича, либретто создано самими ростсельмашевцами), «Заря над Доном» (музыка инженера Е. Бронского, либретто бывшего солиста театра В. Деружинского). За эти два спектакля ростовчане в 1967 году удостоены золотых медалей Всесоюзного смотра.

Никогда не перестанешь удивляться внутренней собранности самодеятельных артистов, их способности точно распределить свои силы и время, чтобы хватило и на производственную работу и на постоянный, регулярный и очень серьезный балетный тренаж, без которого ведь просто невозможно танцевать балетные спектакли!

Движущей силой здесь, конечно, является неодолимая тяга к искусству. А вдохновение в искусстве неизбежно передается основному делу — вдохновению в труде. Наверное, поэтому среди участников художественной самодеятельности почти никогда не встретишь плохих производственников.

Мы упомянули лишь об одном коллективе, а сколько их в стране! С успехом народные театры ставят пьесы Гоголя и Островского, Чехова и Горького, Погодина, Корнейчука... Нужно ли говорить, что серьезная драматургия по плечу только очень сильным театральным коллективам, способным создать полнокровные образы эпохи. И радует, что самодеятельные коллективы успешно справляются с такими задачами. В залах на этих спектаклях свободных мест не бывает.

Обилие талантов в художественной самодеятельности позволило создать не только народные театры, но даже и народные филармонии, консерватории, симфонические оркестры, академические хоры... Лучшие художественные коллективы выступают на сцене Кремлевского Дворца съездов, Колонного зала Дома союзов, выезжают за рубежи нашей Родины. Трудно назвать страну, где бы не побывали с концертами советские артисты-любители!

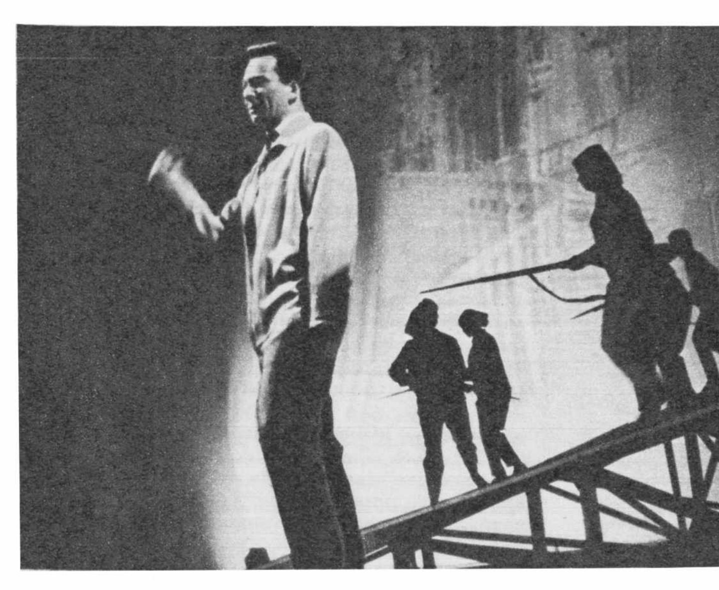
Все эти успехи, разумеется, не пришли сами собой. Огромную роль тут сыграли наши крупнейшие мастера искусств, та дружеская помощь и то пристальное внимание, которые уделяли и уде-

«Вологодская хороводная и плясовая». Исполняют коллективы художественной самодеятельности череповецких металлургов.

Челябинск. Народный цирк Дворца культуры железнодорожников.

Пермь. Народный театр Дворца культуры имени В. И. Ленина. Сцена из спектакля «Хорошо!» В. Маяковского.

ляют они самодеятельности. Кому не известно имя покойного Павла Иосифовича Гераги!.. Этот замечательный артист, работая до конца жизни, сделал очень много для роста талантов из народной среды. Он и сам был самородком, придя на сцену из рабочей семьи железнодорожников Сибири.

Один из лучших исполнителей роли В. И. Ленина, Борис Васильевич Щукин, в молодости работал помощником машиниста Каширского депо. Иван Любезнов, до того, как прийти в искусство, был кочегаром, Сергей Лемешев — красноармейцем, Леокадия Масленникова работала на Минской пуговичной фабрике... Подобные примеры бесчисленны, таков у нас путь артиста из народа — до народного артиста!

Еще в тридцатые годы по инициативе Ивана Михайловича Москвина и Валерии Владимировны Барсовой развернулось замечательное движение мастеров сцены, бравших шефство над художественной самодеятельностью. С годами это движение росло и крепло, принося замечательные плоды. Достаточно сказать, что всеми нами любимые Людмила Зыкина, Ольга Воронец, Муслим Магомаев, Майя Кристалинская, Анатолий Соловьяненко пришли из самодеятельности.

Многолетняя, давняя дружба связывает народную артистку СССР Е. Н. Гоголеву с армейской художественной самодеятельностью. Т. Н. Хренников — ректор народного университета искусств на автозаводе имени Лихачева. Директор ГАБТ СССР М. И. Чулаки возглавляет оперную студию московских автомобилестроителей. М. И. Жаров руководит народным университетом культуры при Всероссийском театральном обществе.

КЛУБНЫЕ КАДРЫ — ПРОБЛЕМА № 1

Ежегодно входят в строй сотни клубов, домов и дворцов культуры в городе и на селе.

Теперь никого уже не удивишь прекрасными — в несколько этажей из стекла и бетона — колхозными и совхозными дворцами.

Казалось бы: как только торжественно перерезана ленточка — все в порядке! Входи, хозяйничай. Твори, выдумывай, пробуй!..

Ан, нет!.. В клубе надо уметь работать.

Резервы, правда, у нас есть, и немалые. Достаточно сослаться на опыт, накопленный за последние годы в вузах, профсоюзных домах художественной самодеятельности, творческих союзах и организациях. Не будем приводить в пример столичные города. Обратимся к делам периферийным. Прошлым летом профсоюзные организации и хозяйственные руководители многих предприятий страны попросили работников культуры и искусства помочь клубам в подготовке кадров, и помощь не заставила себя ждать. Активно занялись воспитанием клубных руководителей областные дома творчества и дома художественной самодеятельности профсоюзов.

При Доме народного творчества Воронежской области за последние два года подготовлено, например, около двухсот общественных руководителей кружков самодеятельности...

Интересный опыт накоплен в Омской, Куйбышевской и других областях.

НАКАНУНЕ ВСЕСОЮЗНОГО РАПОРТА

Еще в начале нынешнего года секретариат ВЦСПС принял постановление о показе народного самодеятельного творчества профсоюзов, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

А сейчас по стране всюду идут творческие отчеты художественной самодеятельности, смотры и фестивали, массовые театрализованные представления, праздники песни и танца, фестивали любительских кинофильмов, выставки изобразительного и декоративно-прикладного искусства, конкурсы поэтов и композиторов.

В апреле 1970 года в Москве состоится Всесоюзный концерт: это и будет рапорт передовиков художественной самодеятельности профсоюзов ленинскому юбилею.

Летом нынешнего года секретариат ВЦСПС объявил Всесоюзный конкурс на лучшую одноактную пьесу под девизом «Наш современник». В организации конкурса самое активное участие принимает и Союз писателей СССР. В состав жюри вошли известные прозаики, поэты, драматурги, представители литературной общественности, режиссеры народных театров и, конечно, сами герои этих пьес, создающихся силами профессиональных и самодеятельных драматургов, — передовые рабочие, труженики села...

Подготовка к ленинскому юбилею стала подлинной проверкой творческих сил и творческой зрелости. А главное, стала базой дальнейшего роста новых миллионов народных талантов.

А. СОФРОНОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

ИТАЛИЯ. ОС

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ПОМПЕЯХ

Конечно, нет смысла описывать Помпеи и Везувий. Все это описано, рассказано и пересказано тысячи раз. Можно, пожалуй, только прибавить к этому какие-то впечатления и ощущения от хождения среди разрушенных стен Помпей, от взгляда на Форум, где когда-то звучали речи пламенных ораторов, а теперь все поросло травой, но само слово «форум» сохранилось и активно используется в международной общественной жизни, лишенное малейшего привкуса античности.

Можно постоять в открытом театре Помпей, посмотреть на втиснутые в давние углубления, обмытые щедрыми итальянскими ливнями скамьи, представить, какие здесь были зрелища — классические трагедии с традиционным хором, что вдруг, уже в форме новаторского поиска, возник в наше время, в современном театре и в драматургии, как странный привесок к нынешней изощренной театральной технике. Любители острых ощущений будут, словно желая найти первоисточники современной порнографии, конечно, рваться к закрытому залу, куда разрешен доступ только мужчинам. Но, право же, не хочется, оказавшись в этом познавшем человеческую трагедию городе, заниматься столь невзыскательными пустяками. Лучше смотреть на колеи колес, оставшиеся в узких, щербатых улицах Помпей да наблюдать за влюбленными, для которых и эти разрушенные стены словно бы являются обычным местом, где можно объясняться в любви и юношам обнимать девушек. Все это является словно бы подтверждением непрерывности хода жизни, подтверждением, опровергающим многое из того, что пытаются втиснуть в сознание молодежи всего мира буржуазные идеологи, отвлекающие этим грязным маневром молодость планеты от созидания, борьбы и от радости трудной, сложной, но жизни во всех ее проявлениях. Глядя на бесконечные толпы туристов, растекающиеся по древним улицам Помпей, невольно приходишь к мысли о торжестве жизни, которая неудержимо рвется вперед. Это ощущаешь не только в самих Помпеях, расположенных у подножия Везувия, но уже и дальше, когда видишь все новые и новые строения и даже прилепившийся на склоне горы спортивный клуб. По канатной дороге двухместные люльки, подхватив жадных до зрелищ туристов, волоча над пожелтевшими кустарниками, окунают их в первобытную тишину, там, где разверзто коричневое жерло Везувия. Пожилые гиды в форменных фуражках толково изложат вам гангстерскую биографию Везувия, что и сейчас еще дышит седым паром и теплой вулканической кромкой под подошвами. Эти же гиды, на удовольствие туристской публики, громко покричат: «Аванти, ку-ку»,— и, снисходительно улыбаясь, вместе с туристами послушают свои голоса в отчетливом эхо, что где-то грянет с другой стороны кратера неугомонного старика Везувия. Туристы насобирают кусочки коричневой лавы на память о встрече с Везувием, радостно обмениваясь друг с другом впечатлениями о том, что лава эта настоящая, а не специально насыпанная предприимчивыми администраторами коммерческого предприятия, извлекающего немалую прибыль из этой естественной у человечества страсти к познанию уже тысячи раз познанного.

После всего этого, с легким сердцем втиснувшись в двухместную люльку, спускаемся вниз, прорывая прозрачную сетку тумана, наползающего к вечеру на вершину Везувия.

Еще раз обойдя прилавки сувениров, достаточно дорогих, чтобы укротить пыл организованных туристов, можно отправиться дальше, с любопытством смотря, как шофер делает головокружительные повороты на неширокой дороге. А уже совсем внизу можно в последний раз с уважением взглянуть на Везувий и с удовольствием отправиться по отличной дороге в Неаполь.

НА ПЛОЩАДИ ГАРИБАЛЬДИ

Мы жили в Неаполе десять дней. Наверно, это очень мало для того, чтобы составить исчерпывающее впечатление об этом удивительно шумном и темпераментном городе. Поэтому я и не берусь делать какие-либо выводы и обобщения, ибо для этого нужно и больше времени и значительно более глубокое знание жизни такого сложного, с такими кричащими социальными противоречиями города, каким является Неаполь.

Мы жили в отеле «Комадор», что расположен в одном из переулков, примыкающих к привокзальной площади, на краю которой высоко поднялся памятник великому итальянцу Джузеппе Гарибальди. Сама площадь является запутаннейшим транспортным узлом города. Что такое правила уличного движения, здесь или никогда не знали, или напрочь забыли. Ездят здесь все вперекрест. Юркие машинки (единственное спасение при таком количестве — их микрогабариты) дуют кто куда, в самых неожиданных направлениях. Я представил себе иных наших стабильных шоферов, привыкших к академическому порядку городского транспорта, и понял, что некоторые из них не обошлись бы здесь без нервного потрясения. К тому же в этой малолитражной каше, как дредноуты, плавают автобусы, а рядом с ними еще обыкновенные извозчики со счетчиками такси. Извозчики, возвышаясь над машинами, понуро сидят на облучках, с философским безразличием смотря на малолитражные страсти, и только оживляются при виде возможного ездока, по всем данным, чужеземца. Тогда это странное соединение обыкновенной кобылы, счетчика таксомотора и кнутика может еще и заработать несколько тысяч лир и прокатить, но без ветерка, дрогнувшего под напором стародавней экзотики туриста. Здесь же среди этой малолитражной смеси снуют мальчишки-велосипедисты, подобные чистым ангелам, и черти мотоциклисты и мотопедисты, лавирующие среди застывших потоков машин, находя в них узкие лазейки. Пожалуй, именно они, а не автомобилисты являются грозой для неапольских пешеходов, поддавшихся взбунтовавшейся автомобильной стихии и, потеряв терпение, бросающихся куда попало, лишь бы пересечь улицу и кое-как добраться до той точки, куда пешеходу когда-нибудь все же необходимо прийти. Но тут-то их и ловят мотоциклисты. На наших глазах кувырком полетела на землю сбитая с ног мотоциклом девушка, а за ней грохнулись на землю и сами два (обязательно два, по одному здесь не ездят) мотоциклиста. Девушка все же вскочила и побежала дальше, но здесь ее настиг толстый седой папа и здоровенной затрещиной снова сбил с ног, но на папу кинулась, защищая девушку, мама, а на маме повисли еще трое соответственно возрасту уменьшающихся калибром детей... В это время двинулся автомобильный поток и, как в доброй, старой итальянской кинокомедии, скрыл от нас финал этого уличного эпизода. Одно могу сказать: в Помпеях на улицах тише, чем в Неаполе. Конечно, не все улицы с такими бурными артериями. Есть в Неаполе изумительно красивые, старые улицы, построенные, казалось бы, с завидным расчетом на то, что ни одна автомашина, несмотря на периодическое уменьшение габаритов, не сумеет все же пробраться в них. Тут только можно отдать должное предусмотрительности предков.

Шофера нашего автобуса звали Данте. Смотря на все это, он как-то сказал: «Неаполь — это ад». Ну что же, Данте хорошо знал, что такое ад.

Площадь Гарибальди — средоточие мелких торговцев. Здесь все продается на тротуарах. Все громко рекламируется. Причем и здесь техника приходит на помощь. Вещи уже рекламируются при помощи микрофонов.

Здесь изделия из раковин, дерева, камня, гальки, морских растений. С видами и без видов. Нарисованные и отштампованные.

Здесь же на столиках режут морковку и картошку, продавая острые ножи, предлагая пластмассовые овощерезки. Здесь транзисторы, часы, расчески, кожаные пояса и кошельки. Цветные зонтики, которые продавец раскрывает и закрывает, словно пуская фейерверк. Здесь просят милостыню, играют вместо милостыни на банджо. Здесь в определенное время в определенных местах появляются женщины с сумочками. А недалеко от площади базар, где вы можете увидеть, как продают одну сигарету или одно куриное яйцо. Здесь художники продают свои картины и абстрактные, но больше натуралистические (аляповатые), а синьоры с небольшими деньгами и с такими же вкусами, не поборов в себе вдруг открывшегося чувства прекрасного, сидя на стуле с видом знатоков, выбирают заурядные изделия безденежных художников.

Почти каждый день бывал я на этой площади, расположенной в тридцати шагах от нашего отеля «Комадор», и каждый раз встречал что-либо новое. Только постоянным был памятник Гарибальди и лежащие под осенним солнцем у его подножия безработные.

ВДОВЫ ЭМИГРАЦИИ

Однажды, вернувшись после очередного путешествия по Неаполю, я зашел в ресторан на несколько минут раньше до точно назначенного обеденного времени. Все столы были уже накрыты, но ресторан был пуст. Мимо меня прошел молодой, энергичный метрдотель этого ресторана. Он направился к стойке бара и что-то гневно начал выговаривать молодому официанту. Тот прошел мимо меня со слезами на глазах, держа на подносе маленький кофейник и чашку. Губы его что-то неслышно бормотали. А метр склонился к стойке, качал головой, молча бил кулачками по мрамору, и лицо его выражало трагическую скорбь и негодование. Во время обеда он подошел к нашему столу и неожиданно спросил:

ЕНЬ 69-го...

— Это верно, что в московских ресторанах посетителей обслуживают очень долго?

— Откуда у вас такие сведения?

— В Москве был один мой знакомый инженер, он сказал, что на каждый обед у него уходило по три часа времени. Двадцать минут на питание, а два часа сорок минут на ожидание.

— Думаю, что это несколько преувеличено.

— Он так говорил. У нас это невозможно. У нас хозяин немедленно выгнал бы таких официантов.

— А почему вы так ругали молодого официанта?

— Я это делал для того, чтобы он не потерял работу. Он очень медленно готовил кофе. Я хорошо знаю, что это такое. С двенадцати лет я начал работать мальчиком при ресторане. На заработках был в Швейцарии, Франции и Германии... Недавно вернулся в Италию.

— Вы там хорошо зарабатывали?

— Прилично.

— А почему же не остались там?

— О-о,— только и сказал мой собеседник,— какой итальянец может остаться на чужбине, если только не горькая нужда?

— А много итальянцев в других странах?

— К сожалению, много.

С этого дня началось знакомство с Джино, метрдотелем ресторана «Комадор».

Как-то после обеда он пригласил меня к стойке бара. Там сидел пожилой, сухой человек с выцветшим, желтым лицом. Он с интересом рассматривал меня.

— Этот господин,— сказал Джино,— тоже был в России.

— Сейчас?

— Нет, во время войны. Я был на Дону в конце сорок второго года.

Теперь уже я с любопытством смотрел на человека с желтым сухим лицом.

— И что же?— спросил я неопределенно.

— Ничего,— ответил он.— Остался жив. Там много погибло итальянцев.

— Я знаю.

— Около Миллерова... Там были «катюши» и «андрюши». Это ужасно. И еще мороз. Было очень холодно. Мне повезло, я остался жив. Муссолини — негодяй,— сказал без всякого перехода человек с желтым лицом.— Мы его повесили вниз головой. Нам нравится мир.

— Нам тоже.

Как мне показалось, Джино этой беседой хотел показать, что и такие итальянцы, как этот человек с желтым лицом, что-то помнят и кое-чему научились.

— Мир... Мир... Мир...— повторил несколько раз уже по-русски человек с желтым лицом.

Он расплатился за кофе и ушел.

— Вы довольны?— спросил меня Джино.

— Интересно было поговорить. Не так часто встретишь в Италии человека, кто во время войны был на Дону.

— У меня есть просьба... Нет ли у вас почтовых марок, на которых изображен Ленин? Не можете ли вы прислать их мне?

— Постараюсь.

— Я буду вам очень благодарен. Я хочу марки обязательно с Лениным.

Откровенно говоря, я несколько удивился. Джино казался мне человеком, только зарабатывавшим жалованье. Но, присмотревшись и к нему и к его подчиненным, которые удивительно слаженно, быстро и рационально работали, ни минуты лишней не забирая у нас, мы поняли, что это были хорошие, добрые парни, очень сердечно относящиеся к советским людям. Один из них, высокий, улыбчивый, красивый, отвечая на шутку, что он имел бы большой успех у наших девушек, сказал:

— Это, конечно, приятно слышать, но уже поздно. Я женюсь, в воскресенье у меня свадьба.

Не сговариваясь, наши туристы на другой день притащили всяких сувениров и вручили их Антонио в качестве свадебных подарков. Рассматривая наши универсальные матрешки, деревянные ложки и духи «Москва», Антонио бормотал:

— Это будет очень приятно... очень приятно...

А у меня все не выходил из памяти молодой ученик, что медленно заваривал кофе. Все эти дни, что мы жили в отеле «Комадор», я видел, как Джино старательно натаскивал его на быструю работу. Он и покрикивал на него и ободрял, а иногда, выхватив тарелки из рук, сам ставил их на стол ловко и аккуратно. В Неаполе бытует специальное слово, определяющее местных мальчишек как озорных, отпетых, ничего не боящихся. С самых малых лет они начинают работать. С девятидесяти лет при благоприятных условиях — уже на побегушках в магазинах, на многочисленных рыбных базарах, в лавках, на кухнях ресторанов и тратторий. Зарабатывая гроши, они все-таки чему-то обучаются. Но это удается не всем. Многие из них попрошайничают, подносят вещи. У многих из них отцы в поисках заработка уезжают в другие европейские страны, где за бесценок предлагают свой труд. И в Неаполе и позже в Риме, особенно в южных городах Италии, в эти дни широко проходили необычные демонстрации, в которых участвовали только женщины и дети. Они требовали работы, жилья и школ. Мы видели женщин, которые несли плакаты с надписями: «Мы вдовы эмиграции». В одном из номеров «Униты» была изображена фотография — демонстрация жителей пригорода Аччетура (город Матера), из которого эмигрировали две тысячи человек. Демонстранты прошли по улицам и заняли здание муниципалитета. Несмотря на то, что из этого пригорода две тысячи человек вынуждены были эмигрировать, двести батраков Аччетуры не имеют работы. В первых рядах шел мальчик с чемоданом на шее, который переезжает с места на место с родителями, десять лет не имеющими возможности найти себе работу.

Мы видели в Неаполе, как на одной из главных торговых улиц города, виа Умберто, среди дорогих магазинов шли колонны забастовщиков. Это были машиностроители, требующие повышения заработной платы и сокращения рабочей недели.

ГОРОД НАД БЕЗДНОЙ

Еще в Риме, когда мы поздним вечером должны были переезжать в Неаполь, мы почувствовали некоторое замешательство на аэродроме. В связи с тем, что в Неаполе прошел ливень и, как нам сказали, аэродром поврежден, нас хотели отправить автобусом. Мы на мгновение представили себе, что же это был за ливень, если такой современный европейский аэродром, который, по нашим предположениям, должен был быть в Неаполе, размыт водой. Но нас быстро посадили в самолет, и через сорок минут, довольные, что избежали утомительной четырехчасовой поездки в темноте, мы вышли на асфальт Неаполя. К нашему удивлению, асфальт был сух и ничто не говорило о том, что здесь было что-либо похожее на стихийное бедствие. Так же сухо было и на улицах Неаполя. В первые дни жизни в этом городе мы ничего не замечали и только однажды узнали о том, что аэродром закрыт и самолеты ни из Неаполя, ни в Неаполь не летают. Не летают, несмотря на то, что ни ливней, ни даже слабеньких дождей в это время не было. Оказалось, что под бетонным покрытием аэродрома обнаружены ямы, провалы почвы. Ну, что ж, значит, мы удачно прилетели.

Но это было не все. Именно в эти дни мы узнали о том, что за несколько дней до нашего прилета на виа Аньелло Фальконе под землю провалился и до сих пор не был найден некий Альфредо Черрато. На протяжении нескольких месяцев всякий раз, когда шел дождь, скромный аптекарь Альфредо Черрато аккуратно звонил по телефону в коммунальный совет и сообщал о том, что в туалете его дома клокотала сточная вода. Это был явный признак трещины в подземном участке канализационной сети. В коммунальном совете к просьбе Черрато никто не прислушался, и двадцатого сентября аптекарь после очередного звонка провалился под землю. Две недели его не могли найти, и только потом труп его извлекли из-под обломков провала на виа Аньелло Фальконе.

Но и это было не все. Оказалось, что не только были прекращены полеты в Неаполь из-за того, что взлетная полоса в аэропорту на отдельных участках превратилась, как говорили неаполитанцы, «в лист волнистого железа», но и поезда, направлявшиеся к Неаполю, на расстоянии нескольких километров значительно сокращали скорость. Когда проводников спрашивали, почему поезд так сильно замедляет ход, они отвечали: «Знаете, тут обвалы и ямы».

Неужели же это все так неожиданно обнаружилось? Нет, совсем наоборот. Еще 10 октября 1967 года некий жилец вышел из своего дома на виа Суарес (район Вомера) и увидел посреди мостовой яму диаметром более чем в один метр. Мостовая в этом месте была выложена большими лавовыми плитами. Гражданин заглянул в яму. Яма как яма. Но куда же исчезла плита? Неужели столь неудобную плиту да еще такого изрядного веса кто-то украл? Загадка... Но на всякий случай данный гражданин звонит в пожарную команду. Как и полагается пожарной команде, она довольно быстро появляется на виа Суарес. Движение перекрыто. Один из пожарных, обвязавшись веревкой, опускается в яму. Проходит всего несколько секунд, и снизу раздается душераздирающий крик. Пожарного немедленно поднимают на поверхность. Еще не отвечая на вопросы, он кричит, чтобы все машины немедленно отъехали от ямы, а его товарищи немедленно ушли в сторону. Только через несколько минут он объясняет, что в этом месте, если смотреть снизу, почва, на которой стоит улица Суарес, кажется бумажной лентой, висящей над пропастью глубиной в пятьдесят метров.

Аптекарь Альфредо Черрато был пока по-

следней жертвой геологических изменений почвы, на которой стоит веселый и шумный город Неаполь.

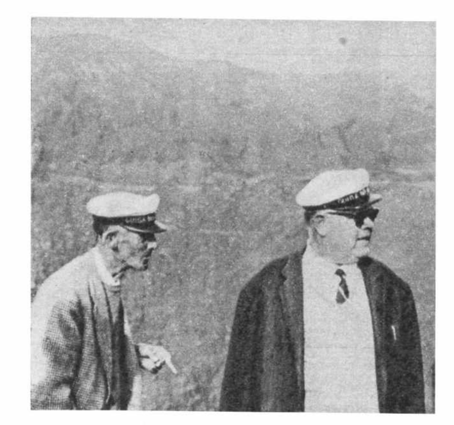
Только за последние три года в результате провалов и обвалов 9 человек погибло и 37 ранено. Только за последний год зарегистрировано 11 случаев подземных шахт, 25 обвалов, 3 оползня и 9 провалов. А всего за три года произошло 3 911 катастроф. И в это же самое время, в том же самом районе предприниматели, верные духу наживы, лихорадочно заканчивают строительство новых домов. На строительных участках, учитывая, что случаи обвалов стали более частыми, работа идет круглые сутки.

А район Вомеро, в котором проживает 160—170 тысяч жителей города, медленно сползает в море. Один из красивейших городов Италии в буквальном смысле слова рушится. Почва в городе, по образному выражению итальянских журналистов, «дырява, как швейцарский сыр». Газета «Унита», много места уделяющая этим событиям, писала:

«Разразившееся «дело» Неаполя становится общенациональным событием первостепенной политической важности, оно требует принятия энергичных мер: речь сейчас уже не идет о спасении достопримечательностей в кварталах Позилиппо или Вомеро, сейчас на карту поставлены человеческие жизни, само существование города... В настоящее время проблема заключается не только в сохранении пейзажа и в невосполнимом ущербе, нанесенном историческому и природному наследию. Истинные границы проблемы значительно шире. Потому что все истребления и весь вред, которые сейчас очевидны, все осуществленные спекуляции, все накапливавшиеся несуразные ошибки оказали именно такое действие, какое, как было известно, они произведут... И хотя хорошо известны имена и фамилии всех ответственных за такое положение и кто повинен во всех подземных смещениях почвы и в прошлых, а также, к сожалению, и будущих катастрофах, здесь четко просматривается связь между темными делишками и более общими, глобальными политическими целями правящего класса. За годы своего злополучного правления мэр Лауро получил от государства круглую сумму в 1 200 миллиардов лир; как он их истратил, мы знаем и считаем, что для того, чтобы обогатить четырех жуликов и принести весь тот вред, который был принесен, хватило бы гораздо меньшей суммы, однако остается открытым вопрос о том, с какой целью выделялись эти средства, если было заранее известно, на что они будут использованы. Неаполь расплачивается дорогой ценой — и это является неопровержимой истиной — за те самые заранее предопределенные решения правящего капиталистического класса, за которые в разной форме уже расплатились или расплачиваются сейчас Турин, пострадавшая от наводнения Флоренция, Агридженто с обрушившейся плотиной и весь юг Италии, который отстает от севера и в отношении гидросооружений».

В Неаполе часто спрашивают о том, можно ли назвать кого-либо из тех, кто был привлечен к ответственности за все, что свершается с городом? Неаполитанцы пока отвечают на этот вопрос так: «Конечно... Знаете, кого бросили в тюрьму и кто находится там в ожидании судебного разбирательства? Это шесть юношей, которые 26 мая этого года пришли с другими жителями города в зал коммунального совета, чтобы выразить свое возмущение в связи с последним обвалом, происшедшим на виа Скарлатти, при котором погибли четыре женщины».

...Когда-то мы смотрели милую, смешную кинокартину «Неаполь — город миллионеров». Картина эта запомнилась. Находясь в Неаполе, я не встретил ни одного миллионера. Это чистая случайность. Просто мы обретались в разных обществах. Но теперь я твердо знаю, что в Неаполе они имеются в достаточном количестве. Этому неотразимым свидетельством является все то, что происходит с чудесным итальянским городом ныне, пользуясь выражением коммунистической прессы Италии, «городом над бездной». Только бездна здесь не столько геологическая, сколько социальная, капиталистическая.

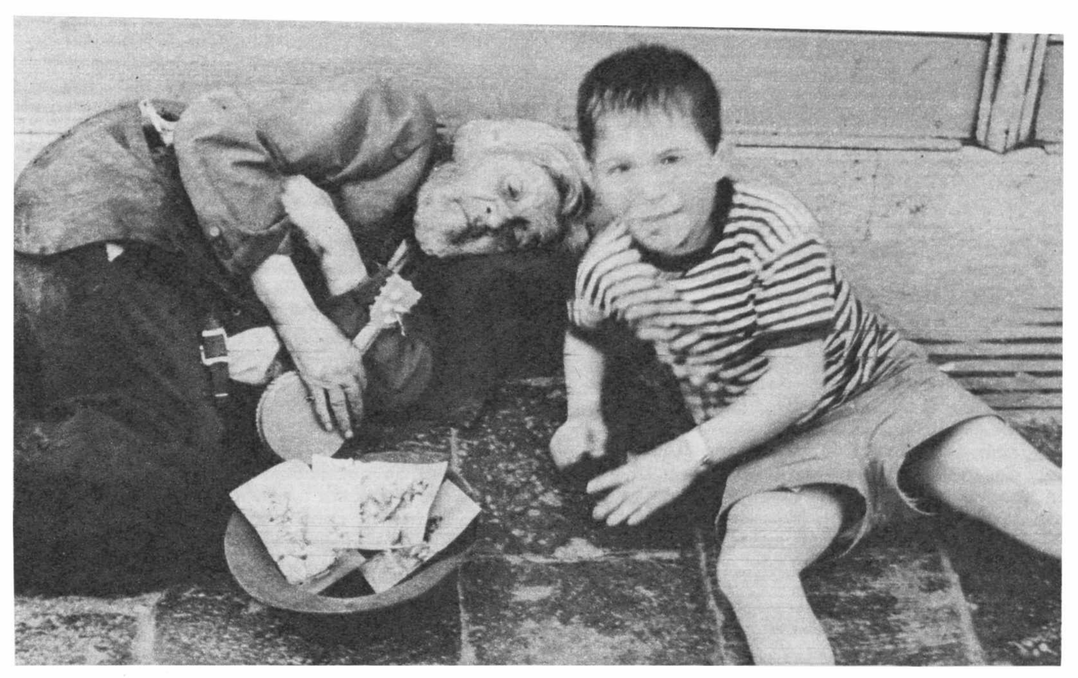

Гиды Везувия.

Купить — не купить!

Рим. Вместо школьных уроков.

Неаполитанская проза.

Во всех направлениях.

Фото специального корреспондента «Огонька» Н. КОЗЛОВСКОГО.

«КАК! КОГДА! ПОЧЕМУ!»

Быть в Италии и не побывать на побережье Адриатического моря, не уступающего красотой Средиземноморскому побережью, было бы непростительно. Вместе с руководителем

Помпеи. А жизнь идет...

отделения агентства печати «Новости» в Италии Иваном Николаевичем Бочаровым мы отправились в город Пескару. Там, на квартире у Армандо Мастромауро, мы встретились и с ним и с его друзьями. Наш приезд совпал с подготовкой Мастромауро и его друга Марио Уголини к поездке в Москву. О том, что они собираются в СССР, сообщал и журнал, который они издают. На обложке журнала «Чентросуд» было напечатано: «Армандо Мастромауро, являющийся руководителем издательства «Аркобалено» и администратором издательства «Аркобалено чинематографика», и Марио Уголини, являющийся одновременно издателем и главным редактором журнала «Чентросуд», отправятся в Советский Союз и побывают в Москве, где будут иметь встречи с представителями компетентных организаций по вопросам, связанным с обменом публикациями, а также кинопродукцией. Одновременно Армандо Мастромауро и Марио Уголини намереваются собирать материал о Советском Союзе в связи с предстоящим празднованием столетней годовщины со дня рождения Ленина».

В журнале «Чентросуд» публиковались подробно материалы Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в июне этого года в Москве. Здесь же был опубликован полный текст выступления главы делегации КПСС, Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

Живо и интересно протекала наша беседа. Мастромауро показал нам книгу «Решающий шаг», написанную им в содружестве с Марио Уголини, на обложке которой были изображены рабочие, идущие под флагами своих государств. В центре поднятых флагов мы увидели наш, советский, с серпом и молотом флаг.

— Мы целиком разделяем политику Советского Союза и КПСС. Нам очень понравилось содержательное, устраивающее нас во всех разделах выступление товарища Брежнева. Мы с Марио писали об этом,— говорил Армандо Мастромауро.— Так думают не только собравшиеся за этим столом, но и многие люди в Италии. И не только рабочие, но и многие люди интеллигентного труда. Это, конечно, те, кто думает об общей ответственности и не пытается укрыться в скорлупу индивидуализма. К сожалению, у нас есть и такие. Я написал роман «Герои не плачут». Мне предложили сделать по этому роману кинофильм. Конечно, мне интересно, чтобы был такой фильм... Но вместе с предложением о создании фильма мне посоветовали убрать все, что связано с социальными вопросами. Конечно, я не согласился. Я хочу, чтобы там была и тема интернационализма. В частности, боевая дружба итальянцев и русских, которые сражались вместе с нами в партизанских отрядах. Я хочу сделать такой фильм совместно с советскими товарищами. Мы живем здесь, на берегу Адриатического моря, в городе Пескаре, но сердца наши с вами. Мы были и останемся революционерами... К сожалению, сейчас наши режиссеры чаще всего уходят в сторону, предпочитают секс и уголовщину. Или вместе, или порознь. Вот у вас, на Московском кинофестивале, присудили одну из первых премий нашему фильму «Серафино».

— Премии присуждало жюри, куда вошли представители разных стран,— успел я втиснуться в энергичную речь Мастромауро.

— Дипломатия...

— Да нет же...

— Дипломатия,— не согласился Мастромауро.— У нас же все смеются в Италии... Заурядный фильм на фоне народной жизни. Талантливые актеры... Их у нас много. Но что за содержание? В центре фильма жеребчик или козел, бросающийся на всех женщин подряд. Нет, кинематограф, настоящий кинематограф должен быть другой. К сожалению, у нас он почти исчез.

Утром вместе с Иваном Бочаровым мы покинули город Пескару и вернулись в Рим. Но пока мы почти четыре с лишним часа любовались горными пейзажами Италии, я невольно думал о словах Армандо Мастромауро. Да, действительно куда-то исчезли, скрылись из глаз добрые итальянские фильмы, в которых

если уж и не было открытой революционной тематики, то, во всяком случае, были показаны социальные противоречия. Даже так называемый «маленький человек», мечта некоторых наших литераторов, и тот исчез, уступив место в одном случае помпезности или бесперспективному показу и смакованию «разложения высшего общества», как это было сделано в фильме «Сладкая жизнь», в другом — обыкновенной натуралистической порнографии с некоей видимостью «психологического» сюжета, в третьем случае — показу гангстеров и бандитов, в четвертом — крутой смеси всего предыдущего.

Редкими маячками брезжут в этом кинотумане такие, как также отмеченный одним из призов на последнем Московском кинофестивале фильм «Симон Боливар» режиссера Блазетти. И смотрели мы его в Неаполе с некоторым удивлением: как же так решился Блазетти взяться за героическую тему?

Там же, в Неаполе, смотрели мы кинокартину «Как? Когда? Почему?». Тривиальный сюжет с некоторыми современными дополнениями: муж и жена должны изменить друг другу, для того чтобы, познав это, снова вернуться к семейному очагу. Любовные сцены исполнены с такой натуралистической откровенностью, что только можно удивляться итальянским киноактрисам, как же они могут решиться на такое. Мне, правда, объяснили: в фильме снимается молодая актриса, если понравится публике — тогда карьера ее обеспечена. Есть в этом фильме и смешные «современные» подробности. Деловой муж, объясняя жене, почему он не может приехать к ней на отдых в Сицилию, ссылается на то, что занят с советской торговой делегацией. И жену это объяснение удовлетворяет. Смотришь такие фильмы и сам себе невольно задаешь вопрос: как, когда и почему итальянская кинематография утеряла свои истинные художественные и социальные высоты? А ведь вся жизнь, что кипит вокруг кинематографа в Италии, идет, что называется, в другую сторону.

С грустью смотришь такие фильмы, как последнюю работу Феллини «Сатирикон», при всей сверхусложненной технике съемки не могущую скрыть скудость мысли и бесконечное неверие в человека, будто бы наделенного всеми грехами и пороками.

...Последний вечер в Риме мы провели вместе с двумя братьями Альберто и Пино, добрыми друзьями Советского Союза. Один из них коммунист, другой — социалист. Мы побывали в их холостяцкой квартире, полюбовались их собственными художественными изделиями, а затем отправились посмотреть уже ночной Рим.

Он очень красив, этот вечный город. Мы колесили по улицам и площадям, любовались памятником Гарибальди, вознесенным над яркой громадой сверкающих огней.

— Не хотите посмотреть улицу, где снималась «Сладкая жизнь»?— спросил Альберто.

— А почему ж не посмотреть, откуда эта самая жизнь ринулась в кинематограф?

В одном из тихих переулков Пино поставил машину, и мы вышли на улицу, где на целый квартал с двух сторон тротуаров стояли столики. Был уже первый час ночи. Но здесь было людно. За столиками, накрытыми белоснежными скатертями, сидели уставшие, с пустыми глазами, мужчины в черных костюмах, женщины в мехах, посверкивая драгоценными камнями. Около них сновали, словно в балетном спектакле, официанты. И хотя было еще людно здесь, но как-то по-пустынному тихо. Тихо и чуждо. Мы вернулись к машине.

— Ну, что?— спросил Альберто.

...И все же последним впечатлением об Италии была не эта улица, откуда пошла «Сладкая жизнь». А обыкновенная римская площадь, которую мы огибали на другое утро, отправляясь в аэропорт. Автобус остановился, пропуская перед собой длинную колонну забастовщиков. На этот раз по площади шагали медицинские работники. Они требовали повышения заработной платы и улучшения условий труда. Колонна шла неторопливо, и шофер, постояв, свернул в какую-то боковую улочку и повез нас к аэродрому другим путем. Шофер принял правильное решение, так как колонна бастовавших медицинских работников была, как нам показалось, почти бесконечной.

ВРЕМЯ ДИКТУЕТ, ВРЕМЯ УТВЕРЖДАЕТ

В. БЕДУЛЯ,

председатель колхоза «Советская Белоруссия», депутат Верховного Совета Белорусской ССР, делегат Всесоюзного съезда колхозников.

От Бреста до нашего колхоза — полсотни километров, а от районного центра Каменец — сорок. Не то, чтоб глубинка, но и не пригород. Я начал с этого потому, что хочу сразу подчеркнуть: колхоз «Советская Белоруссия» — самый обыкновенный, по условиям ничем от других не отличается, кроме разве того, что живем мы на самой западной границе страны и что колхозная новь пришла к нам гораздо позже, чем в огромное большинство районов. Может, поэтому и шаги времени у нас слышнее и перемены заметнее.

...Западная Белоруссия. Я тут и вырос в крестьянской семье. Сквозь хоровод лет иногда вдруг так ясно увижу свою юность, горькую пору панского владычества. Вижу спичку, расщепленную пополам, а то и на четыре части: нужда осуждала, как непозволительную роскошь, трату целой спички сразу. Слышу плач девчонок, выданных насильно замуж: тогда не считались с чувствами. Ощущаю вкус хлеба, в котором на горсть муки замешивали несколько горстей не всегда съедобного продукта,— чистым хлебом лакомились не во все праздники...

Возможно, скажут: «Зачем вспоминать? Что было, то прошло». Не соглашусь. Стоит вспоминать, чтоб лучше понять настоящее, чтобы оценить, не принизить его и чтоб надежно поверить в будущее и суметь разглядеть его в любом щедром проявлении сегодняшнего нашего бытия.

Я вспомнил о прошлом еще и потому, что на Всесоюзном съезде колхозников мы, крестьяне Западной Белоруссии, будем участниками впервые. И это очень много и очень важно.

С этой мыслью я и веду в канун Октябрьского праздника свой разговор о теперешней деревне, делюсь раздумьями о людях, о времени, о победах и заботах.

Когда новый человек интересуется, чем знаменит колхоз «Советская Белоруссия», ему отвечают у нас так: «В масштабе района мы много лет подряд удерживаем первенство по молоку, футболу и художественной самодеятельности». Звучит шутливо. Однако в этом ответе большой смысл, в нем отражена огромная перестройка, произошедшая в последние годы во всей жизни села...

Совсем недавнее прошлое. Я приехал в этот колхоз в 1956 году и узнал, что есть деревни, где люди лишь понаслышке знают о кино. Другой факт. В 1957 году доярка Надя Панасюк из колхоза имени Дзержинского единственная в районе надаивала в год до двух тысяч литров молока от одной коровы. И третий факт. Когда десять лет назад появилась возможность посылать колхозников отдыхать в санаторий, я буквально измучился, уговаривая людей поехать отдыхать; никто не хотел «отправляться в неизведанное».

А вот настоящее. Только в июне — июле нынешнего года в колхозном Дворце культуры дважды выступал Ленинградский цирк, выступал Волынский областной театр, ансамбль песни и пляски Краснознаменного Черноморского флота, артисты из Минска. 34 наших колхозника уже отдыхали в этом году в санаториях и на курортах страны. В ноябре — декабре поедут еще 20 человек. Ну, а что касается производственных показателей колхоза, в частности производства молока, рубеж в 2 тысячи литров от коровы наши животноводы перешагнули в июле, а весь район — к сентябрю.

Люди городские, не посвященные во все тонкости и сложности сельской жизни, могут поинтересоваться: почему, дескать, такой крутой поворот, такие разительные перемены? Отвечу: важнейшим событием в судьбе нашего сельского хозяйства, вехой на пути деревни ко многим успехам был мартовский Пленум ЦК КПСС 1965 года. Несколько лет, прошедших после пленума, принесли с собой такие большие перемены, что их можно назвать, наверное, этапом в истории советской деревни. Да и сама деревня даже внешне сегодня совсем не та, что была, скажем, лет десять назад.

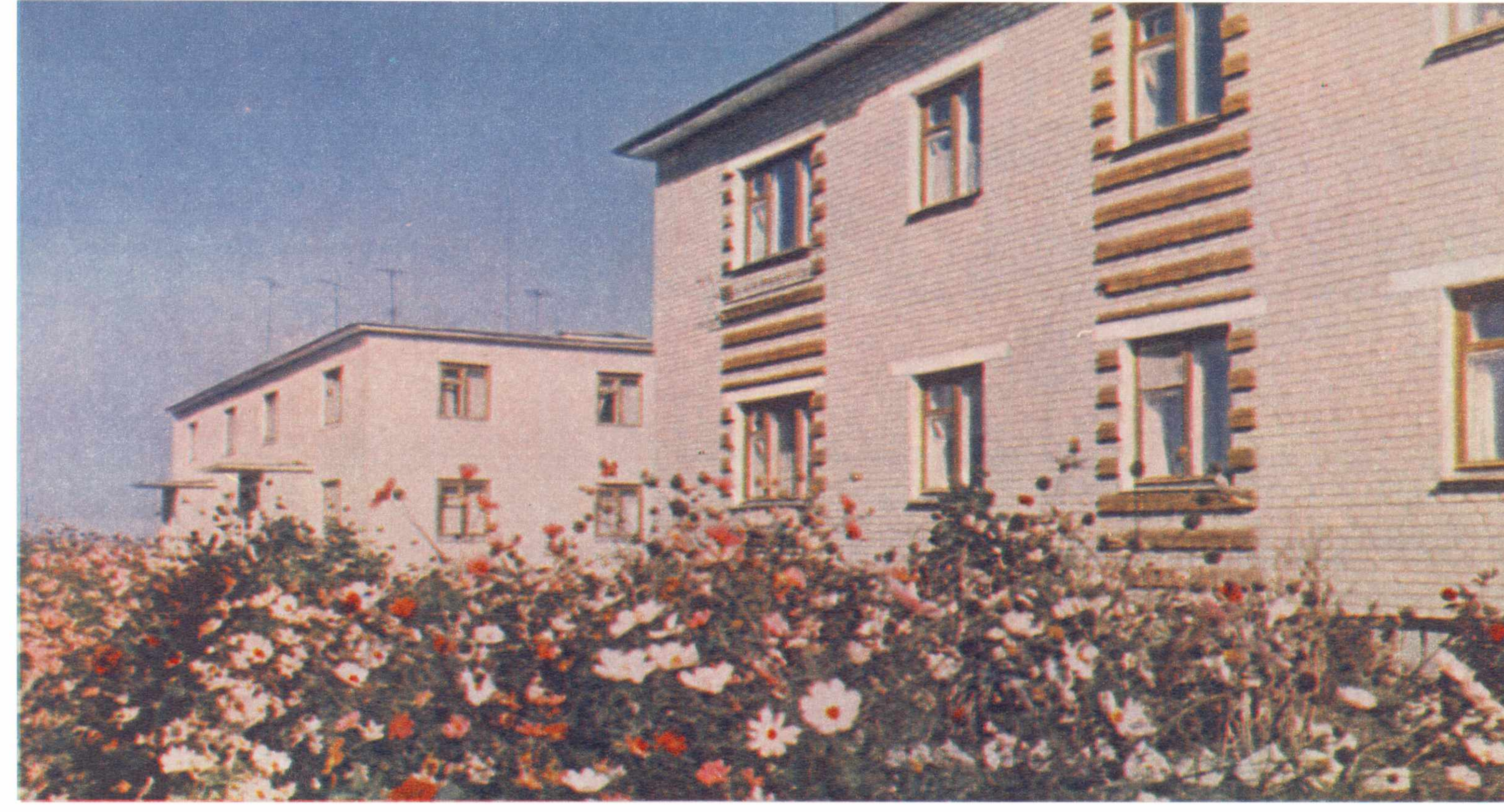
Когда заходит речь о строительстве, колхозники теперь не просят поставить вместо старой избы избу новую. Они хотят, чтобы колхоз помог им построить дом городского типа со всеми удобствами. И мы заложили у себя поселок, рассчитанный на полторы тысячи жителей, уже построены пять восьмиквартирных двухэтажных домов, два четырехквартирных двухэтажных...

Скоро возведем ряд двухквартирных коттеджей для тех, кто считает такое жилье более удобным.

Нашему Дворцу культуры — его современному виду, внутренней отделке — может позавидовать любой город. Рядом с ним мы закладываем тоже современные здания, где разместятся продукто-

Председатель колхоза «Советская Белоруссия» В. Л. Бедуля.

Новые дома колхозников.

На квартире экономиста колхоза В. Н. Рудченко.

Фото М. САВИНА.

Комсомолки колхоза.

Ира Несюк будет скрипачкой.

Дворец культуры «Советской Белоруссии».

Мотогонщики на тренировке.

вый и промтоварный магазины, химчистка, мастерские по ремонту бытовых приборов, парикмахерская, гостиница, ресторан, кафе. Столовая в колхозе работает уже шесть лет. В будущем году начнем строить музыкальную школу, детский сад и ясли, новую среднюю школу, врачебный пункт, стадион, мемориальный комплекс в память о героях Великой Отечественной войны.

Когда мы решили открыть в колхозе музыкальную школу, помочь отобрать туда ребят приехала из Бреста группа педагогов и в их числе Тамара Николаевна Галицкая — заведующая фортепианным отделением Брестской музыкальной школы. После того, как ребята прошли перед педагогами, Тамара Николаевна с удивлением призналась: «Никогда не думала, что в деревне столько талантливой детворы...» И стала частым гостем у нас, помогала налаживать учебу.

А заслуженный деятель культуры Белорусской ССР Михаил Григорьевич Солопов переехал в колхоз и возглавил школу. Сейчас в ней обучается 105 учеников.

Я упоминал уже о нашей художественной самодеятельности. Заслуг и наград у нее не меньше, чем у колхоза за производственные показатели. Впрочем, тут разделения никакого быть не может. Ведь среди знаменитых наших артистов есть не менее знаменитые наши доярки и механизаторы.

А наш университет культуры... Зал Дворца культуры — в нем 520 мест — иной раз не вмещает всех, кто хочет послушать лекцию, беседу, принять участие в диспуте. Помню, какой интерес вызвала тема «Ленин и музыка».

Хорошо живем, интересно. Не все, конечно, гладко у нас, заботы не дают покоя. Волнует меня, заботит нехватка механизаторов, а многие выпускники училищ механизаторов уходят работать в другие отрасли хозяйства. Почему? Правда, в нашем колхозе средний заработок механизатора за прошлый год составил 183 рубля. Но я знаю хозяйства, где механизатор зарабатывает втрое меньше. Есть над чем поразмыслить: правильно ли оцениваем работу? Так ли труд организуем? Умеем ли воспитывать преданность родному селу? Немало еще колхозов, где до сих пор платят за гектары мягкой пахоты, а не за конечный результат. Вероятно, эти проблемы волнуют не только меня, и надеюсь, что зайдет о них разговор на съезде колхозников. Наверняка не обойдут молчанием работу «Сельхозтехники», которая нам помогает, но пока далеко не во всем удовлетворяет нужды и спросы колхозов. Вопросов тут возникает масса. Мне, например, непонятно, как «Сельхозтехника» строит свои отношения с Госпланом СССР. Почему оказывается возможным, скажем, такое: вдруг снимается с производства вполне оправдавший себя агрегат ТЛ-40? Непонятно, почему «Сельхозтехника» не влияет на конструкторские бюро, которые вместо того, чтобы быстрее создавать новые, современные машины, занимаются бесконечной модернизацией старых.

...Думы, хлопоты, мечты. Интересно жить, радостно работать. Я счастлив, что родился в деревне и могу отдать ей все, чему научила меня многосложная, светлая и богатая наша жизнь.

Николай АСАНОВ,
Юрий СТУРИТИС

РОМАН

Рисунки В. ВЭТРА.

ЧАЙКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К БЕРЕГУ

Маккибин приподнял веки и выразительно взглянул на Лидумса. Пришло время держать еще один экзамен. А сколько их еще будет?

— Я не знаю условий работы мистера Бромберга в Латвии, поэтому не берусь судить о причинах его провала,— сказал Лидумс.— Однако опыт моей работы показывает, что небольшие группы наших пособников, как мы их называем, хорошо законспирированные, могут действовать не только в условиях нелегального пребывания в лесах, но и на хуторах и в городах. Иначе наше движение уже давно бы распалось...

...Но я знаю и другое: местное население очень настороженно относится к неизвестным людям, которые не могут доказать своей принадлежности к какой-нибудь понятной и нужной профессии. Мне помнится, что человек, принимавший Вилкса и его друзей, снабдил их пропусками монтеров. Даже и с этими, казалось бы, примитивными документами вся группа благополучно прожила в Риге полгода! А насколько опасно внезапно появиться даже на самых глухих хуторах, показывает печальная судьба Густава, который погиб в первый день своего пребывания в Латвии...— Тут Лидумс на мгновение склонил голову.

...Теперь я позволю себе перейти к анализу работы Тома. Мистер Ребане воспитал отличных работников. Я уверен, что если бы они и попали в руки советских контрразведчиков, то показали бы достойное мужество, как и сам мистер Ребане, проявивший себя во время минувшей войны. Но у меня есть несколько вопросов именно к мистеру Ребане: не находит ли он странным, что ни Том, ни Адольф, «приземлившись» в Латвии, так долго не давали о себе знать ни через эфир, ни тайнописными посланиями? Чем может мистер Ребане объяснить их поразительную работоспособность после «воскрешения»? Почему Том так стремится найти выход на группу Будриса? Да, кстати, мистер Ребане, интересовались ли вы, где они все это время скрывались?

...У меня, например, сложилось твердое убеждение, что они работают не по своей воле. Конечно, я надеюсь, что они ничего и никого не выдали, а может, и действительно, дай нам бог, не знали о группе Будриса, и теперь наш противник, используя захваченную у них радиостанцию, коды и шифры, пытается найти Будриса... через Лондон! А для этой цели забрасывает мистера Ребане сногсшибательной разведывательной информацией...

Голоса, выражавшие удивление, слились в неясный гул. Ребане вскочил и выкрик-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43,44.

нул что-то нечленораздельное, но Скотт усмирил его взглядом. Маккибин, резко откинувшийся в кресле, жестко смотрел на Лидумса, как будто собирался выхватить из потайного кармана пистолет и выстрелить в него. Но Лидумс, будто и не замечая этой всеобщей враждебности, перелистывал радиограммы, словно отыскивая необходимую, и, уловив, как внезапно замер взволнованный гул, заговорил снова:

— Вот одна из разведывательных информаций Тома. По словам мистера Ребане, информации Тома получили высокую оценку и в адмиралтействе и в военном министерстве. В этой Том сообщает, что под Ригой, на аэродроме в Спилве, базируются советские стратегические бомбардировщики. Это же потрясающая информация! Я думаю, что военное министерство поощрило мистера Ребане специальной денежной наградой за нее. И никому не пришло в голову спросить у какого-нибудь англичанина-туриста, побывавшего в последнее время в Риге: не знает ли он аэродрома в Спилве? Тот бы отрицательно покачал головой. Нет его! А относительно «приземления» тот же Том передал, что данные ему из Лондона явки в Риге не выдержали никакого испытания: бывший работник библиотеки латвийского университета разговаривал с Томом в передней и, после того как услышал пароль, огрел его увесистой тростью; от хуторянина под Ригой Тому удалось спастись только благодаря длительной тренировке в беге по пересеченной местности; барменшу из пансионата, в котором до сорокового года обычно останавливались друзья,— прошу извинить меня,— мистер Маккибин и сам он, отыскать не удалось. Том и Адольф, по их словам, сняли комнату в Дзинтари самостоятельно, без каких бы то ни было рекомендаций, и я не удивлюсь, если их квартирохозяева тут же доложили в милицию, что у них живут подозрительные люди...

— Ложь! — взорвался Ребане, снова вскочив. Он, кажется, готов был действовать кулаками.— Вы сознательно черните моих воспитанников! Но это вам не пройдет, мистер Казимир!

— У меня есть еще только один вопрос к мистеру Ребане,— хладнокровно продолжал Лидумс, не глядя на взбешенного эстонца.— Обращался ли он к специалистам, чтобы сравнить радиопочерк новоявленного радиста Тома с теми контрольными записями, что хранятся в радиоцентре «Норда»?

Ребане внезапно сел. Теперь Лидумс притворился сам взбешенным.

— Идиот! — тихо прошипел он по-латышски.— Ведь для того, чтобы получить выход на группу Будриса, большевики могли сообщить вам через поддельного Тома и о том, что в курляндских лесах построена стартовая площадка для запуска межконтинентальных ракет!

Скотт обернулся к Силайсу и приказал:
— Переведите на английский! Громко!

Силайс перевел. Внезапное ругательство и слова о стартовой площадке в лесу многих насмешили. Напряжение как-то разрядилось. Но Маккибин уже звонил по телефону. Руководителю радиослужбы было приказано срочно произвести сопоставление радиопочерка Тома, записанного в период его пребывания в Англии, с почерком радиста, действующего в Латвии под тем же псевдонимом. Затем Маккибин объявил перерыв.

9

Нора снова приняла на себя обязанности хозяйки. Но если в начале совещания все старались избежать соблазна и оставили свои бокалы почти полными, то на этот раз каждый устремился к столику, причем, отметил Лидумс, почти никто не стал разбавлять виски. Слишком мрачное было настроение. Он разгадал их мысли: «Если этот дьявольски проницательный латыш Казимир окажется прав, то вся работа «Норда» через Ригу летит к черту!»

Лидумс тоже принял от Норы бокал виски. Скотт попросил себе «Белый айсберг» — виски с плавающим куском льда. Даже Ребане не пожелал отстать: налил полный бокал «чистого». Никто из зала не уходил.

Теперь все стояли или бродили по залу, отыскивая нужного собеседника. Большой Джон подошел к Лидумсу.

— Вы уверены,— спросил он,— что никакого Тома нет в природе?

— В природе-то он существует,— вздохнул Лидумс,— но вот где, в Сибири или в Латвии? Но меня больше беспокоит другое: почему Ребане не проверил его «почерк»?

— Может быть, он проверял?

— Вы же видели, как он вдруг сел, словно в лужу плюхнулся, когда я спросил об этом.

— «В лужу» — это хорошо сказано! — жестко произнес Большой Джон, и Лидумс понял, что после сегодняшнего совещания господину Ребане нечем будет хвалиться. Подлинные господа не простят лакею обмана, как не прощают швейцару, если он пытается воровать мелочь из карманов пальто.

Большой Джон пошел «повторить» коктейль, и к Лидумсу тотчас же подошел Малый Джон. Лидумс постарался опередить его:

— Интересно, можно ли увидеть где-нибудь королеву? — Он указал кивком на портрет.— Разумеется, во время какого-нибудь официального выхода,— пояснил он.— Не думаю, чтобы ее интересовали бедные изгнанники, нашедшие себе приют под ее просвещенным владычеством...

— Подождите еще несколько лет,— язвительно сказал Малый Джон,— и, возможно, вас удостоят звания пэра. Тогда вы будете присутствовать при всех официальных выходах ее величества и, может быть, приветствовать ее, не снимая шляпы.— Потом сухо спросил: — Зачем вам понадобилось топить этого несчастного эстонца? Ведь вы, кажется, воюете одним фронтом?

«Я знал, что этот шпик не так прост! — подумал Лидумс.— Он куда умнее многих своих начальников. И его надо во что бы то ни стало привлечь на свою сторону. Беда в одном: даже самые умные лилипуты не переносят великанов. Боюсь, что в моем присутствии бедняга чувствует себя еще меньше росточком. А я не могу отрубить себе ни ноги, ни голову: самому еще понадобятся!»

Он медлил с ответом, равнодушно потягивая виски, и глядел не на Джона, а на Ребане.

«Тут надо сделать что-то такое, что сбило бы этого малютку с толку. Если он будет задумываться над каждым моим словом, то не пройдет и недели, как он за что-нибудь зацепится!»

К ним подошла Нора с подносом, и Лидумс взял и поставил на стол сразу три бокала, а пустые, свой и Малого Джона, передал ей. Потом окликнул стоявшего в одиночестве Ребане:

— Мистер Роберт, не присоединитесь ли к нам? У меня припасен для вас бокал отличного зелья!

— Вы меня и так уже изрядно отравили! — пробурчал Ребане, но подошел и принял бокал из рук Лидумса. Малый Джон, удивленно взглянув на Лидумса, тоже взял предназначенный ему бокал.

— Надеюсь, не смертельно? — искренне засмеялся Лидумс.— Возможно, мы еще найдем противоядие?

— Вы же видите, я остался один, как в вакууме! К вам подходят, чуть ли не лобызают, а меня словно бы уже списали в расход! — Губы у Ребане кривились, дьявольское самолюбие, которое с первой встречи подметил в нем Лидумс, мешало ему следить за собой.

— Ну кто же позволит из-за какой-то глупой оплошности списывать в расход отличного работника! — утешил его Лидумс.— Вот мы сейчас разговаривали с Большим Джоном, теперь заговорили с Малым и в обоих случаях приходим к одному и тому же выводу: вас так обрадовали сообщения Тома, что вам и в голову не пришло проверить «почерк» радиорадиста. Ведь так?

— Я и сейчас убежден, что на радиопередатчике работает Том! — резко ответил Ребане.

— Это мы понимаем! — отмахнулся от его резкости, как от чего-то ненужного, Лидумс.— Речь не об этом! Никто не обвиняет вас в том, что вы сознательно дезинформировали наших старших друзей. Но ведь вы обрадовались появлению Тома в эфире? — подчеркнул он.

— Естественно! — Ребане понял, что ему протягивают спасительную соломинку, и ухватился за нее.— И надо напомнить, что проверка «почерка» работающего с нами радиста — дело руководителя радиоконтрразведывательной службы! — тут же перешел он в наступление.— Я-то ведь получаю только расшифрованные радиограммы!

— Вот именно! — подхватил Лидумс и обернулся к Малому Джону с опечаленным лицом: — Посмотрите, мистер Джон, как все странно сложилось! Вы руководите обеими группами: и нашей и Тома. А не возникает ли у вас подозрение, почему «Том» — позволю себе, может быть, и преждевременные кавычки,— передавая очень ценную информацию, которая может доказать кому угодно, что он и Адольф «закрепились», тем не менее усиленно добивается связи с группой Будриса? Зачем ему эта опасная связь с группой нелегалов? Для выручки двух национально мыслящих друзей? Но из Риги проще перебросить их в Финляндию или в Швецию, чем подвергать всем опасностям жизни в лесу, без твердой уверенности, что их вывезут оттуда. А я отвечаю за безопасность группы Будриса, и вот, как ни странно, ни вы, ни мистер Ребане, ни я не знаем: проверялся ли «почерк» радиста? И еще одно обстоятельство: сейчас в группе Будриса находятся два воспитанника мистера Ребане — Отто и Антс — эстонцы. Я полагал, что Том и Адольф изыщут пути для их продвижения в Эстонию. А вместо этого нам предлагают другую идею: принять еще двух человек. Но ведь лес — это не швейцарский курорт Давос, где всего в изобилии. Я бы предпочел, чтобы Том, если он еще существует, позаботился прежде всего об Отто и Антсе. А он ищет Будриса, ни разу не назвав имена своих друзей! — Рассуждая, он все время следил за перемещением по залу начальников — полковника Скотта и Маккибина. Маккибин в это время прошел мимо них с господином в визитке. Лидумс окликнул его с естественной, казалось, живостью и непосредственностью: — Мистер Маккибин, разрешите, пожалуйста, наш краткий спор! Как могли в отделе отстранить от работы с Томом всех нас — мистера Джона, Роберта и меня? Мистер Роберт, оказывается, получал только расшифрованные радиограммы Тома! А я и радиограммы-то увидел только сегодня! Хорошо еще, что я долго жил в Риге и коечто знаю о городе и пригородах. А мистера Джона, в сущности, отвечающего за обе латышские группы, вообще не информировали, что собираются вывести на группу Будриса группу Тома! А у Будриса сейчас семь или восемь наших агентов! Как это может быть в такой хорошо организованной разведке?

Господин в визитке навострил уши. Маккибин выглядел удивленным, но тут же принял начальнический вид.

— Это правда, Джон?

Джон, глядя на Лидумса, только пожал плечами.

— Ни я, ни Казимир не знали, что Тома собираются ориентировать на группу Будриса...

— А вы, мистер Ребане?

— Я тоже узнал об этом только вчера, когда получил приглашение на совещание. Но, признаюсь, очень обрадовался этому решению. В последней радиограмме Том сообщал, что у него накопилось много громоздкой информации — планы, карты, книги, рукописи, и надеялся передать их в группу Будриса, чтобы Будрис отправил

все эти грузы с людьми, которых вы, возможно, будете принимать от него...

— Откуда Том знает, что мы связываемся с людьми Будриса лично? — вдруг спросил господин в визитке.

«Э, да ты, друг, наверно, с верхнего этажа разведки!» — подумал Лидумс.

Ребане замялся немного, но ответил спокойно:

— Петерсона и Густава обучали в той же школе, где обучались Том и Адольф. Они общались между собой, а затем все вместе были переброшены в Латвию весной прошлого года. И хотя Петерсон и Густав шли к Будрису, а двое других — самостоятельно, на Ригу, они могли поделиться своими планами...

— Разве связь между обучающимися не исключена? — продолжал свой допрос господин в визитке.

— Они ведь земляки, мистер... э...

— Можете ограничиться этим обращением! — строго предупредил Маккибин.

Но Лидумс видел, как неприятен ему весь этот разговор, и вмешался:

— Я тоже удивлен. В Лондоне о группе Будриса говорят как о соседях по имению. А меня спрятали так, что я и сам-то себя не вижу!

— Не шутите, мистер Казимир, мы обязаны оберегать вас! — остановил его Маккибин.

— Но я тоже обязан оберегать моих друзей в Латвии! — резко заявил Лидумс.

Господин в визитке молча взглянул на него, но во взгляде чувствовалось одобрение.

— Да, это было одно из упущений, — глухо сказал Ребане.

Маккибин попросил всех занять свои места, и опасный разговор прервался.

Рядом с Маккибином стоял начальник радиоцентра, негромко упрашивая его о чем-то. Лицо у Маккибина было каменное, и чиновник все ниже склонял плешивую голову. Наконец Маккибин отпустил чиновника мановением руки и заговорил:

— Даже в такой фирме, как у нас, оказывается, могут быть накладки. Радиоцентр просит дать им двое суток для проверки и анализа данных. Прошу вас, господа, прибыть сюда в пятницу, в двенадцать часов...

Заместитель Маккибина ни на кого не смотрел, но голос его, сухой, жесткий, выдавал всю его злость. По-видимому, он боялся этого анализа и проверки. Лидумсу стало не по себе. Он понимал, против кого направлена вся ярость Скотта: против него! Если бы не речь Лидумса на этом высоком совещании, все можно было бы закончить втихомолку: «списать» Тома и Адольфа — и дело с концом! Но тут было столько свидетелей, что молчаливым «списанием» уже не ограничишься! И еще вопрос: а не придет на это будущее совещание тот самый господин в визитке? Похоже, что тут все ему подотчетны...

...Продолжение совещания в пятницу было по необходимости коротким. Господин в визитке присутствовал тоже, но на этот раз он был в обычном костюме. Маккибин, осунувшийся, как будто не спал обе эти ночи, предоставил слово своему заместителю. Скотт заговорил резко, зло:

— Я только что получил сообщение, что при изучении «почерка» радиста, работающего под псевдонимом «Том», выяснилось: Том выходил в эфир только один раз — двадцать пятого декабря прошлого года. После этого на передатчике Тома работает другой оператор... — Он сделал паузу, так как по залу пронесся глухой ропот негодования. Подождав немного, ни на кого не глядя, продолжал: — Это заключение в совокупности с анализом других данных об обстоятельствах пребывания Тома и Адольфа в Латвии, а также с анализом полученной от них информации дает основание предполагать, что они захвачены чекистами, которые пытаются при помощи передатчика Тома найти выход через Лондон, через английскую разведку на группу Будриса. Я благодарю мистера Казимира, который первым заподозрил в потоке информации, переданной через передатчик Тома, искусно построенную дезинформацию и угадал далеко идущие планы противника...

Он сел с тем же каменным лицом, глядя в полированную поверхность стола, словно ему было тяжело смотреть в разочарованные лица своих помощников. Стало так тихо, что даже шелест бумаги показался бы сейчас громом божьим.

Но Лидумс вынужден был отдать должное Ребане. Он, только что перенесший тяжкий удар по своему самолюбию, заговорил первым:

— Разрешите, мистер Скотт, я составлю такую телеграмму чекистам, что они будут долго ее помнить! Пусть они знают, что английскую разведку провести невозможно!

Скотт поморщился. Лидумс понял: думает о том, что эту разведку уже провели и никакие язвительные телеграммы, переданные в адрес Тома, то есть чекистов, не сотрут с лица следы полученной пощечины.

Лидумс попросил слова:

— Я бы не пренебрегал передатчиком Тома. Если начатую чекистами игру так же тонко продолжать, то мы сможем получить действительно ценную информацию. Чекисты и на самом деле хорошо знают, что английская разведка славится и опытом и умением. И волей-неволей вынуждены будут наряду с дезинформацией передавать и подлинную информацию: как они иначе могут подтвердить подлинность Тома? А здесь, в отделе «Норд», имеются отличные специалисты, которые сумеют отсеять крупицы золота от простого песка. Ведь мы все согласны, что радиограмма поддельного Тома о мобилизационных возможностях рижского порта была ценной. Столь же ценными были и данные о размещении промышленности в Риге. Если наряду с чисто военными сведениями мы будем запрашивать у «Тома» и экономические данные, чекисты невольно попадутся на собственный крючок: в качестве военных данных будут передавать какую-нибудь чепуху, вроде того, что в Спилве базируются бомбардировщики, а экономические данные постараются не путать...

Рассуждая о возможной «игре» с чекистами, Лидумс не терял из виду ни Скотта, ни Маккибина, ни господина в визитке и видел, что лица у них проясняются. Невольно вспомнилась русская пословица, которую он как-то слышал от генерала Голубева, когда советская контрразведка еще только начи-

нала свою «игру» с англичанами через Вилкса: «Маленькая рыбка лучше большого таракана!» Англичане тоже предпочитали маленькую рыбку большому таракану. И закончил он свои рассуждения эффектно:

— А теперь вернемся к главному, чего добиваются чекисты. Они хотят выйти на группу Будриса. Значит, Том или Адольф рассказали им, что с ними шел Петерсон, направленный в эту группу. Если мы сейчас разорвем эту цепочку мнимого Тома, они немедленно начнут искать группу Будриса самостоятельно, и, кто знает, чем это кончится. Я бы вместо той радиограммы, которую предлагает мистер Ребане, в процессе радиоигры сообщил «Тому», что мы потеряли следы Петерсона, скажем, в Латгалии — это так далеко от Курляндии, что чекистам понадобится большой срок, если они станут искать там иголку в стоге сена. А потом попросил бы этого «Тома» самого поехать в Латгалию и поискать следы Петерсона... И чекисты уверятся, что «адрес» Будриса дан нами правильно...

Усмешка на лице Ребане, который все ждал, когда Лидумса остановят, но так и не мог дождаться, постепенно угасла. Он видел, что идея, предложенная Лидумсом, понравилась всем англичанам. Уже господин в визитке что-то шепнул полковнику Скотту, не отрывая взгляда от спокойно рассуждающего Лидумса; уже и Маккибин с Большим Джоном перебросились записками; уже Маленький Джон неодобрительно взглянул на Ребане. «Нет, этот проклятый латыш обворожил их всех!» — в сердцах подумал Ребане, но тут же спохватился. Ведь Казимир, или как там его зовут, вытаскивает его, Ребане, из лужи! Если «игра» состоится, Ребане снова будет на коне. Вся связь с Томом шла через него, значит, его и теперь привлекут к этому интересному делу...

Лидумс уже закончил свои рассуждения, но все молчали, как будто смаковали вкус этого поданного им лакомства и раздумывали, каким ядом его зарядить, чтобы чекисты не распознали начинки. Но вот Маккибин встал, заговорил куда веселее, чем говорил о результатах исследования «почерка» «Тома»:

— Предложение мистера Казимира будет тщательно рассмотрено. А теперь, господа, вы свободны...

Лидумс мысленно поблагодарил Будриса за протянутую ему через леса и моря руку помощи. Нет, парапсихология — интересная наука, если научиться читать попадающие в руки документы между строк. Теперь он знал: друзья не только беспокоятся о нем, но и заботятся о его безопасности. Он и здесь сражается не один. За ним стоят опытные помощники!

10

Около полудня надоедливый февральский туман словно рукой смахнуло. Впервые за долгие зимние недели показалось солнце. Лидумс отодвинул пишущую машинку и подошел к окну.

Всевозможные рантье, пенсионеры, старые дамы с собачками, изголодавшиеся по солнцу, толпами шли по обеим сторонам тротуара. Автомобили ускорили движение, сирены их безмолвствовали, и сразу наметились первые полоски угарного дымка на проезжей части улицы.

Лидумс огорченно взглянул на этюдник, стоявший несколько месяцев у стены,— сейчас бы в самый раз пристроиться где-нибудь на перекрестке и попытаться набросать два-три этюда этого оживленного города. Он приехал в ту пору, когда начиналась затяжная туманная осень, а те несколько солнечных дней, что выпали на долю Лондона за зиму, сидел «в бесте», строго выполняя приказ Маккибина. Конечно, сейчас он мог бы и нарушить этот приказ, но ему очень не хотелось проявлять какую-нибудь самостоятельность, вчера он и так достаточно попортил кровь и Маккибину, и Скотту, и их помощникам... Правда, потом он же подбросил им неожиданную приманку, но... лучше казаться большим простодушным ребенком. Детям почему-то больше верят...

Он вернулся к столу. От него все еще ждали откровений о сегодняшней Латвии. Писал он на английской машинке, на английской, чересчур замелованной, тяжелой бумаге, небось, «Норд» получает такую прямо из министерства иностранных дел, писал по-английски, но мысли выкладывал латышские, советские, новые, с какими эти чопорные руководители «Норда» наверняка никогда еще не встречались. Конечно, он не перебарщивал, описывая свою и чужую жизнь в нынешней Латвии,— откровенных высказываний тут не поймут! — но намекнуть, что никто в Латвии не собирается встречать англичан с развернутыми знаменами, он мог. И делал это с удовольствием.

О, Лидумс ничего не преувеличивал! Он просто сообщал всем желающим слышать, что крестьяне вполне довольны самым первым актом Советской власти, произведенным еще в сороковом году,— разделом помещичьих земель между земледельцами. Следовательно, есть и обратная сторона медали: те, у кого землю отняли, ждут не дождутся англичан, американцев, тех же немцев, лишь бы им ее вернули. Беда в другом: эти «кадры» так раскрыли себя в дни немецкой оккупации, что большинство из них было вынуждено бежать вместе с немцами, а те, что остались, понесли наказание и сейчас вряд ли на них можно рассчитывать. Да, писал он, интеллигенция недовольна снижением доходов. Но тут тоже есть оборотная сторона: их дети теперь учатся бесплатно, а многие и получают стипендии. Несомненно, писал он, жилищный вопрос в Риге усложнился: многие владельцы крупных домов уплотнены, но он, Казимир, еще не встречал такого бывшего домовладельца, который готов был бы с оружием в руках защищать свое владение. И он, Казимир, полагает, что, покамест идет время собирания сил, мечты о всяких акциях следует отложить до более благоприятного момента, а вот когда этот момент наступит, одному богу известно...

Так он постукивал на своей машинке четырьмя пальцами и невольно кривился ехидной усмешкой, когда представлял, как яростно станет черкать этот мемориал полковник Скотт. Скотт употребляет при чтении три карандаша: зеленый — цвет надежды, тут для этого карандаша будет мало работы; синий — цвет будущего и красный — цвет опасности. Пожалуй, мемориал этот превратился под его карандашом в подобие бумажного ковра, только красный цвет будет преобладать. Так, впрочем, мистеру Скотту и надо! Пусть подумает, прежде чем соваться со свиным рылом в калашный ряд!

Зазвонил телефон. Лидумс поднял трубку.

Говорила Нора. Голос был смеющийся, очень громкий. Лидумс догадался: говорит из автомата неподалеку от его особняка.

— Так вы дома, господин инспектор? Вас не выманила даже весна? Позвольте мне и Джону заехать к вам.

— Пожалуйста. Но почему инспектор? И инспектор чего? Богоугодных заведений? У нас были такие. В них содержались престарелые, подкидыши и раскаявшиеся девицы легкого поведения...

— Фи, как зло вы шутите! — Она продолжала смеяться.— Потерпите, сейчас услышите!

Он убрал свои бумаги, но лист в машинке оставил и крышкой машинку не прикрыл: пусть видят, что он не даром ест хлеб ее величества королевы Англии. И открыл дверь холла, ожидая гостей. Они уже входили: впереди Нора, в распахнутом светлом весеннем пальто, светлом же, серебряного оттенка платье и легких туфельках на высоком каблуке. За нею следовал Большой Джон, тоже в распахнутом пальто, без шляпы, в темном строгом костюме, но с легкомысленным цветком в петлице.

— А мы за вами, Казимир! — добродушно пробасил Джон.

— Поздравляю вас, господин инспектор! — воскликнула Нора, низко приседая в реверансе.

— С чем? — Он смотрел недоуменно, но успел поцеловать протянутую руку.

— Именно с тем, господин инспектор! — Она снова присела перед ним.

— Бросьте, Нора, вы совсем замучите бедного Казимира! — остановил ее Джон.

— А вот и первое свидетельство признания ваших заслуг! — напыщенно произнесла Нора, достала из сумочки какой-то пакет, снова присела и протянула его Лидумсу.

— Что это? — Лидумс не торопился вскрывать пакет, даже держал его так, словно намеревался немедленно вернуть.

— Ради бога, не пугайтесь, Казимир! — взволнованно заговорила Нора.— Если вы вернете мне эту бомбу, Маккибин убьет меня.

Лидумс улыбнулся и надорвал пакет. В нем лежали деньги — четыре бумажки: всего сорок фунтов.

— Вы не можете себе представить, как разозлился Маккибин, когда узнал, что вы получаете всего семь фунтов в неделю. Он учинил, по-моему, каждому из нас по разносу. Скотт попытался было объяснить, что вы сами пожелали ничем не выделяться среди остальных обитателей школы, но Маккибин задал ему только один вопрос. Вы помните, Джон, какой вопрос задал Маккибин полковнику Скотту?

Джон поклонился Норе и сказал напыщенным голосом, довольно искусно имитируя торжественные спичи Маккибина:

— Полковник, вы получаете десять раз по семи в неделю, но если бы не Казимир, вы провалили бы нашу последнюю надежду — Будриса!

— Вот-вот, именно так он и сказал. И тут же показал полковнику только что подписанный им секретный приказ — вы ведь знаете, министерство финансов контролирует даже нас! — пожаловалась она,— которым вы назначаетесь старшим инспектором «народных училищ»! — Это она уже съязвила, такой должности в отделе «Норд» не было, но «народные училища», а точнее, «антинародные», были. Так назывались в финансовых документах шпионские школы, на содержание которых тоже требовались деньги налогоплательщиков, хотя налогоплательщики и не представляли, куда их денежки утекают. А школ — это Лидумс уже уяснил — было много — и в самой Англии и за ее пределами, особенно в Германии.

— А теперь, господин инспектор,— сказал Большой Джон,— самое время вам пригласить нас, ваших коллег, к обеду. А если благоволите, то и к ужину, ну, а уж если вам захочется посмотреть ночной Лондон, то и на всю ночь. Мы с Норой взяли на сегодня отпуск. Да вам и самому пора отдохнуть! — Он мельком, но внимательно взглянул на торчавший в машинке лист с текстом мемориала и закрыл машинку крышкой.— Одевайтесь! — скомандовал он.— Вы еще не прожгли дыры на вашем костюме, сидя в воображении у дымного костра в Латвии? А более светлый костюм у вас есть? А то мы с Норой можем сначала отвезти вас к портному. Вряд ли в магазинах держат одежду для таких викингов.

— Сойдет и этот! — засмеялся Лидумс.— Я так давно не носил ни фрака, ни смокинга, что мне придется долго привыкать!

Он сунул конверт с деньгами в карман, бросил на руку легкий плащ, который Джон купил ему в Германии, взглянул в зеркало и поймал восхищенный взгляд Норы. Неужели она не боится своего Маккибина? И вспомнил: даже на совещании ловил вот такой же восхищенный взгляд. А может, Маккибин не имеет ничего против, чтобы Нора «изучила» Лидумса?

Свою маленькую машину Нора припарковала при въезде на улицу. Какой-то ловкий малый распахнул дверцу. Большой Джон привычно сунул ему в протянутую руку шиллинг.

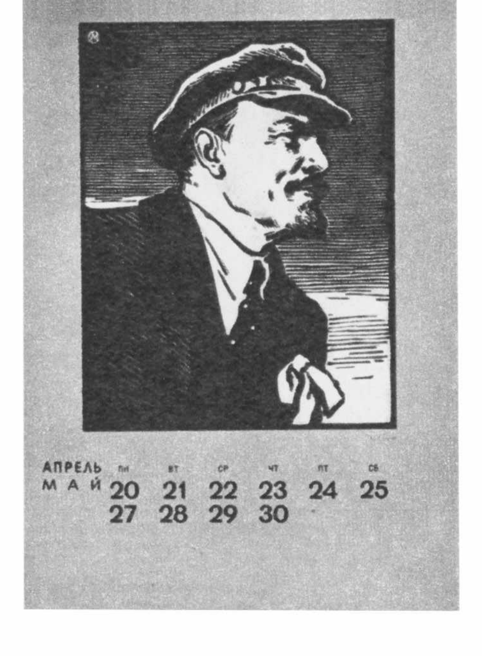
Продолжение следует.

1870 — 1970

Звучат голоса людей всех континентов — писателей, поэтов, ученых, общественных деятелей, дополняя друг друга, подтверждая и развивая мысль, высказанную Бертольтом Брехтом в «Кантате о Ленине»:

Ленинской мыслью,
Ленинской правдой горит,
Бьется
И движется к счастью
Рабочего класса огромное
чистое сердце —
Сердце Земли!

Живой облик Ильича воссоздают многочисленные воспоминания современников, фотографии, работы художников и скульпторов, богато иллюстрирующие календарь. Каждая его страница рассказывает о нескольких страницах жизни Ленина, о памятных местах, связанных с биографией и деятельностью Владимира Ильича. По всему календарю проходит обширный список книг о Ленине, как бы раздвигающий границы этого юбилейного издания, только что вышедшего в Госполитиздате. Научные консультанты — Герой Социалистического Труда профессор Ф. Н. Петров и кандидат исторических наук Н. Е. Королев.

Владимир Ильич Ленин. Календарь. 1970. М., Политиздат.

ВСЕГДА НА МАРШЕ

Константин Федорович Телегин.

Ему недавно исполнилось семьдесят лет, и надобно знать, какими вехами отмечен жизненный путь Константина Федоровича Телегина, чтобы по достоинству оценить характер и волю этого человека, коммуниста и солдата, который и сейчас остается в строю, хотя формально числится генерал-лейтенантом запаса.

Уроженец сибирского города Татарска, в мае 1918 года Телегин вступил добровольцем в омскую Красную гвардию. Долгое отступление перед превосходящими силами белогвардейцев закончилось лишь под Пермью, а затем в Вятке, нынешнем Кирове, он вступил в 51-ю стрелковую дивизию, которой командовал легендарный герой гражданской войны Василий Константинович Блюхер.

До самого Байкала довел Блюхер свою дивизию, громя колчаковцев. Курсантом полковой школы начинал этот рейд Телегин, а закончил его помощником военкома 459-го стрелкового полка.

Потом, в 1920 году, дивизия Блюхера перебрасывается на Южный фронт — против Врангеля. И была героическая 80-дневная оборона Каховского плацдарма, был штурм Перекопа, бросок через гнилой Сивашский залив и марш на Севастополь.

Комиссар полка, начальник политотдела погранвойск в Казахстане, а позднее на Дальнем Востоке, участник боев с японскими агрессорами у озера Хасан, освободительного похода в Западную Белоруссию, боев с белофиннами — вот этапы воинской биографии Телегина перед Великой Отечественной.

Вскоре после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз К. Ф. Телегина назначили членом Военного Совета МВО, а с октября 1941 года — по совместительству и членом Военного Совета Московской зоны обороны. События тех тяжелых дней, грозивших столице смертельной опасностью, врезались в память Константина Федоровича навсегда. На его долю выпало принимать решения столь ответственные, что он должен был держать в курсе своих действий Ставку.

Всю войну, от Москвы до Берлина, прошел К. Ф. Телегин как член Военного Совета разных фронтов — Донского, Центрального, Белорусского, 1-го Белорусского.

Он работал во имя победы плечом к плечу с прославленными полководцами — Г. К. Жуковым, К. К. Рокоссовским, М. С. Малининым, В. И. Казаковым, С. И. Руденко... Три ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, другие ордена и медали отметили боевую службу генерал-лейтенанта.

Восемнадцатилетним юношей поставил себя крестьянский сын Константин Телегин сознательно и на всю жизнь под ружье, под красноармейское знамя, и до сих пор он соразмеряет каждый свой шаг с присягой. Он служит, хотя и пребывает в запасе,— своими статьями в печати, выступлениями по радио, на бесчисленных встречах с ветеранами, молодыми людьми, пионерами. В строю книг, посвященных ратной истории советского народа, стоит труд К. Ф. Телегина «Не отдали Москвы».

Он и теперь в работе: надо заканчивать «Записки политработника», надо вести консультации в Госполитиздате, надо сотрудничать в обществе «Знание».

Старый солдат на марше!

О. ШМЕЛЕВ

ВМЕСТЕ С ГЕРОЯМИ

К 60-летию со дня рождения Антонины Коптяевой

У каждого писателя свой особый круг образов, излюбленных героев, свои творческие проблемы и вопросы, которые он пытается не только ставить, но и по возможности разрешать в своих произведениях.

В творчестве Антонины Коптяевой все это выражено особенно отчетливо. Писательница выросла в рабочей трудовой семье. С ранних лет работала на приисках. Училась. И, естественно, уже в первых своих очерках пишет об алданских рабочих, старателях, шахтерах. Знание жизни не со стороны, а усвоенное из тесного общения с людьми и событиями дает писательнице благодарную возможность достоверно писать о виденном и пережитом. Уже в романе «Фарт», который был опубликован в 1940 году, Антонина Дмитриевна Коптяева показывает становление характера нового человека в сложном процессе коллективного труда. Характерной особенностью ее как литератора является то, что она умеет жизнеописывать своих героев на фоне сложных общественных событий, рисует их в естественной социальной и бытовой обстановке. Пишущему эти строки, уроженцу степного воронежского края, довелось читать очерки и роман А. Коптяевой «Товарищ Анна» в послевоенные годы перед отъездом в Сибирь. Первые же встречи с тайгой, с людьми суровой на вид, но гостеприимной земли убеждали: как точно сумела писательница все это показать средствами образного художественного слова!

Заметное место в творчестве А. Коптяевой занимает ее трилогия, в которую входят романы «Иван Иванович», «Дружба», «Дерзание». Здесь писательница с присущей ей проникновенностью создает образ талантливого хирурга, человека, рожденного замечательным временем. Правдиво раскрыть и показать большие изменения в жизни народов Севера А. Коптяевой помог ее верный угол зрения на сложные общественные процессы. Писательница рассматривает проблему личного счастья с позиций общественно полезной деятельности человека, на этом принципе она раскрывает глубокие и противоречивые вопросы семьи и брака, показывает роль женщины в трудовой жизни страны. Еще свежи в памяти читателя образы трудолюбивых, скромных героев А. Коптяевой, которых она показала в романе «Дар земли». И вот недавно она публикует в журнале «Урал» новое свое произведение. Широкое поле революционных событий рисует она в этом эпическом повествовании. Последний роман ее — «На Урале-реке» — переносит нас во времена после Февральской революции в Оренбуржье. Здесь совершались сложнейшие революционные процессы, которые наиболее резко выявили роль контрреволюционеров, белоказаков атамана Дутова и других сил, яростно боровшихся с революционным народом.

Роман «На Урале-реке» — многоплановое произведение. А. Коптяевой удалось повествование о рабочей семье Наследовых, на жизненном примере каждого из ее членов удалось утвердить выдающуюся роль рабочего класса в революционной борьбе. Все дела и события, происходящие вокруг рабочего пригорода — Нахаловки и далеко за ее пределами, писательница выявляет через судьбы своих героев, разных по характерам, но одинаковых в своем заветном желании — переустройстве жизни на началах социальной и человеческой справедливости.

Открываешь новую книгу Антонины Коптяевой всегда с ожиданием встреч с интересным и разнообразным миром простых героев, рабочих людей, кому раз и навсегда посвятила свое творчество писательница.

Сергей ФЕДОРОВ

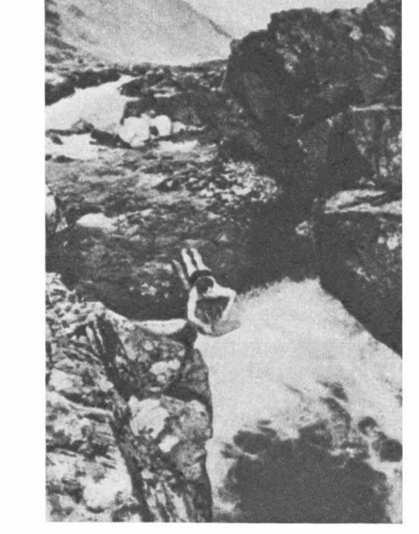

СИРОТЫ

У нас под окном в старом скворечнике свили гнездо мухоловки. Но птенцов постигло несчастье — пропали родители. Я взяла малышей на воспитание. В первое время они отказывались от еды, но потом пообвыкли.

За две недели птенцы окрепли, научились купаться в блюдце, летать и ловить в комнате мух. Вскоре я их выпустила на волю.

И. КИНАСОВА. Москва.

НОВЫЙ ВИД СПОРТА

В Шотландии состоялись необычные состязания: спортсмены проплыли лежа на надувных матрацах четыре километра по горной реке, изобилующей порогами и водопадами.

— Ни папы, ни мамы нет дома, я привел старшего брата.

Рисунок В. Шкарбана.

— А сейчас выступит капитан баскетбольной команды...

Рисунок Н. Елинсона.

КАК Я МЕНЯЛ ПРОФЕССИЮ

Б. ПРОТОПОПОВ

Рисунки В. Воеводина.

— Пришел? — сказал редактор, когда я явился по вызову.— Закрой дверь. Подойди поближе... Ближе... Ближе!

В нетерпении он выбежал из-за стола навстречу и жарким шепотом сообщил задание:

— Только чтобы никто! Ни-ни! Просто, мол, хочу устроиться на работу, очень, дескать, нравится эта профессия... То да се... В общем, учить не надо. Главное, чтоб не догадался, кто ты... А потом — изнутри. Своими глазами. Ха-ха... Ну, понял?

Я сдвинул носки и сказал:

— Есть!

Задание мне понравилось.

Через полчаса я входил к директору соседнего с редакцией «Гастронома».

— Здрас-сте... Был нынче утром в вашем магазине, наблюдал работу продавцов. Подумал: мое призвание — стоять за прилавком! Очень уж нравится. А у вас, я слышал, как раз людей не хватает... Вот и заявление.

Я приготовился к отказу, но директор кинул на меня оценивающий взгляд, подумал и весело сказал:

— Значит, решили поработать в нашей системе? Добро, добро... Оставьте бумажку, посоветуюсь с начальством.

На другой день я был принят не менее приветливо. Директор под ручку провел меня в торговый зал и любезно предложил выбрать отдел.

Немного поколебавшись, я остановился на колбасном. С этой продукцией я все-таки чаще имел дело.

— Прекрасно! Самый массовый участок,—обрадовался директор.— Широкое поле для наблюдений...

— Какие там наблюдения? — сказал я, пристально глядя на него.— Нам, продавцам, наблюдать некогда!

— Конечно, конечно,— согласился он, виляя глазами.— Попрошу сначала в кладовочку.., Маня, подберите новому товарищу халатик по росту, шапочку...

Я храбро напялил белоснежную спецодежду и боком полез за прилавок.

Была суббота. Час «пик».

Очередь, закружившаяся в три кольца, глядела на меня десятками колючих глаз.

— Ну-с,— сказал я бодро.— Колбаски? Двести граммов? Это можно!

Схватив блестящий нож, я в мгновение ока откромсал ломоть и бросил на весы. Он почему-то оказался на 300 граммов тяжелее. Быстро прикинув в уме, я отрезал от него чуть больше половины. Теперь ломоть потянул ровно 240 граммов. Ага, это уже почти норма. Энергичным движением я отнял от него примерно пятую часть. Весы почему-то показали 150. Подкинул подходящий кусочек — стрелка задрожала на цифре 280. Разрезал кусочек пополам. Получилось — 170. Осторожно прибавил еще колечко... Черта с два — 190!

Это было какое-то наваждение.

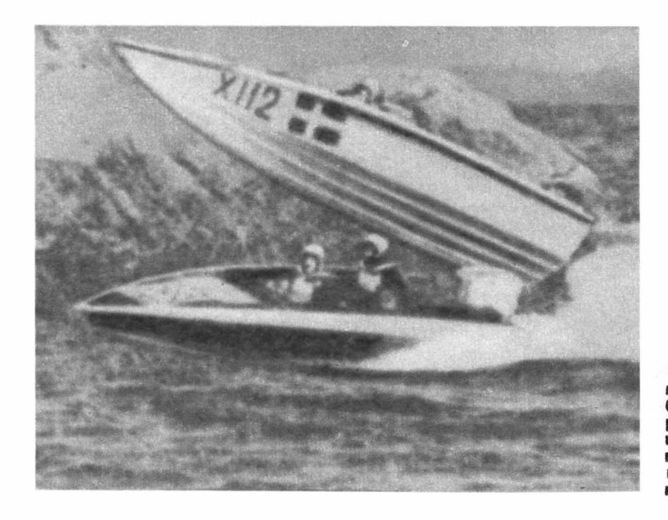
Однако я не растерялся, и, постепенно кидая на весы кусочек за кусочком, нагнал вес до 210 граммов, и, не испытывая более судьбу, завернул кусочки в бумагу, и улыбнулся из последних сил, протянул кулек покупательнице.

Несчастная открыла было рот. Я улыбнулся еще шире, и она, покорно вздохнув, отошла от прилавка.

Очередь зловеще молчала.

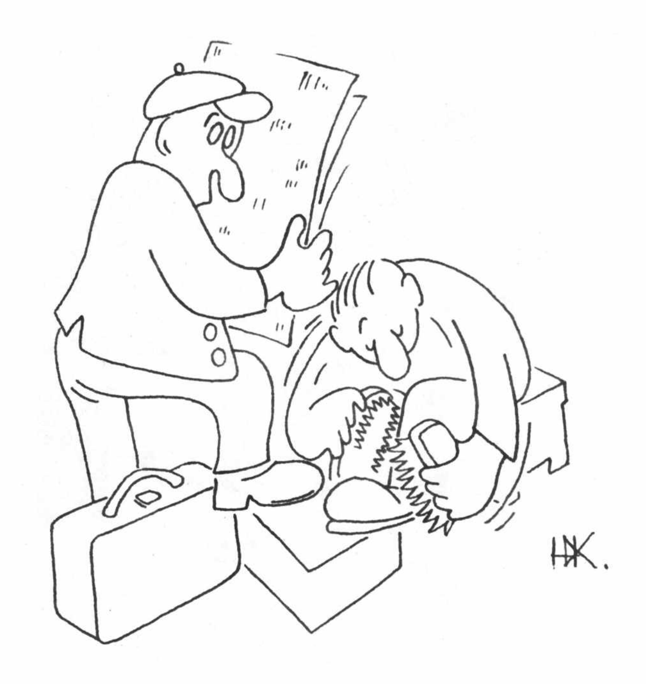
Дальнейшее происходило как в тумане. Я опомнился, когда в магазине наступила пугающая тишина. С широкой улыбкой спешил ко мне директор.

— Перерыв! — сказал он, деликатно избегая взглядом груду ассорти из обрезков колбасы, ветчины и зельца, возвышавшуюся на

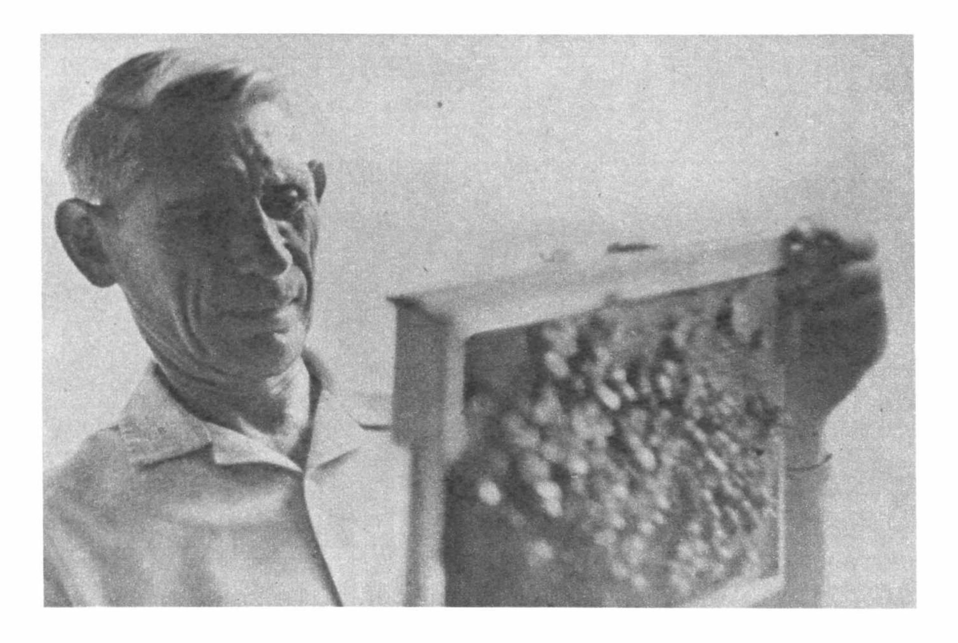
ПОЛЕТ ЛОДКИ

Во время соревнований моторных лодок вблизи Стокгольма фоторепортеру удалось запечатлеть на пленку драматический момент, к счастью, закончившийся благополучно для спортсменов.

Без подписи.

Рисунок Н. Калугина.

УЛЕЙ НА БАЛКОНЕ

На балконе одного из бакинских домов я увидел какой-то странный шкаф, очень напоминающий улей. Георгий Аджарович Меликов снял верхнюю крышку и, к большому моему удивлению, вынул раму с настоящими сотами, наполненными янтарным медом.

— Пчелам я отдаю много свободного времени,— говорит Георгий Аджарович.— В нашей семье вошло в привычку каждый день есть мед. Прошлым летом собрали столько, что хватит до конца года. Кстати, пчелам в Баку живется очень хорошо. Ведь у нас почти не бывает зимы.

В. ЯШИН

моем прилавке.— Отдохните. Наши сотрудники питаются в ресторане. Три остановки отсюда. Прекрасные и недорогие обеды... Через час милости просим... Может быть, хотите поработать в другом отделе?

— Да нет, почему же...— пробормотал я, одеваясь.

В ресторане было тесно и жарко, как в бане. Могучий швейцар, стоящий насмерть у входа, уже изнемогал. Чувствовалось: вот-вот он рухнет, и толпа пойдет по трупу. А между тем три столика в зале были свободны.

— Это что ж, для начальства, небось, оставлены? — ядовито спросил я.

— При чем здесь начальство?— недовольно ответил швейцар.— Проходите и садитесь, если охота... Впервые у нас?

Я не стал отвечать, прошел и уселся за столик у буфета.

Ждать не пришлось. Молодой человек во фраке с бабочкой сразу же подлетел ко мне, критически оглядел стол и изящным жестом выхватил салфетку. Первым взмахом он сбил с меня очки, вторым — опрокинул бутылки с лимонадом и сшиб перечницу.

— Че-еррт, опять!..— послышалось из-под стола, где он собирал осколки.

— Итак, что покушаем? — спросил официант, поднимаясь и снова расцветая в улыбке.

— Боюсь, что разочарую вас... Просто суп и котлеты. Без этого, понимаете?

— Конечно, конечно,— сказал странный малый,— я люблю, когда без этого... Бутылка очень плохо держится на подносе...

Через несколько минут он примчался с заказом. Грациозно изогнувшись, стал раскладывать прибор... Поднос накренился...

— Суп! — закричал я ужасным голосом, но было уже поздно.— Экий медведь,— сказал я, счищая с пиджака вермишель.

— Выбирайте выражения!— вдруг вспыхнул официант, покраснел до ушей и уронил мне за шиворот вилку.— Извините... На третье что принести?

— Жалобную книгу,— сказал я жестко.

— Не надо,— горячо шепнул он.— Вы мне испортите репортаж...

— Как,— сказал я,— так вы... «Журналист меняет профессию»? Садитесь, коллега. Строгое инкогнито, а? «Своими глазами...», «Изнутри», да? «Официант» — это звучит гордо»?

— Во-во,— оживился работник общепита,— третий день уже... Всю посуду перебил. Другого давно бы выгнали. Мне же почему-то прощают... Но прошу вас: никому, ни-ни!

— Могила,— сказал я,— сам такой!

Посмеиваясь, я вышел на улицу, думая, что мое задание не так уж оригинально.

Разговор с таксистом, который вез меня к моему «Гастроному», насторожил еще больше.

Сначала удивило, что он два километра ехал целых полчаса. Когда же водитель, будто обжегшись, отдернул руку от лишнего двугривенного с гордым: «На чай не берем»,— догадка превратилась в уверенность.

— Из какой газеты? — шепнул я ему на ухо.

— «Вечерка»... Как вы догадались? Очерк. «Один на один с пассажиром».

«Нет, тут надо держать ухо востро»,— думал я, переходя улицу.

Милиционер на той стороне заливался соловьем, приказывая мне вернуться, но я давно уже заметил, что вид у него какой-то непрофессиональный.

«Свисти, свисти!» — посмеивался я, направляясь к постовому. А подойдя, дружески хлопнул его по плечу.

— Ну что? «С глазу на глаз с нарушителем»? Зарисовочка?

— Платите штраф,— сказал постовой,— за переход в неположенном месте!

— Брось дурака валять,— подмигнул я ему,— тоже, небось, профессию меняешь?

— Пройдемте, гражданин,— устало сказал в ответ сержант.

«А ведь он настоящий!» — похолодел я.— Вот влип!»

В отделении нас встретил пожилой, строгий человек в очках.

— Вот, товарищ дежурный, нарушает...— начал было мой провожатый. Но это уже было ни к чему.

— Здравствуй, Петя,— сказал я строгому человеку.— Читал, читал твои «Письма из милиции», очень недурно.

— Оставьте нас, товарищ сержант,— махнул рукой дежурный и покраснел.— Я тут с ним наедине...

Сержант ушел, а мы наедине всласть поговорили о трудностях наших новых профессий.

Когда я вышел из милиции, наступил вечер. В темном небе ходили сполохи от электрических огней. Возвращаться в магазин было неохота.

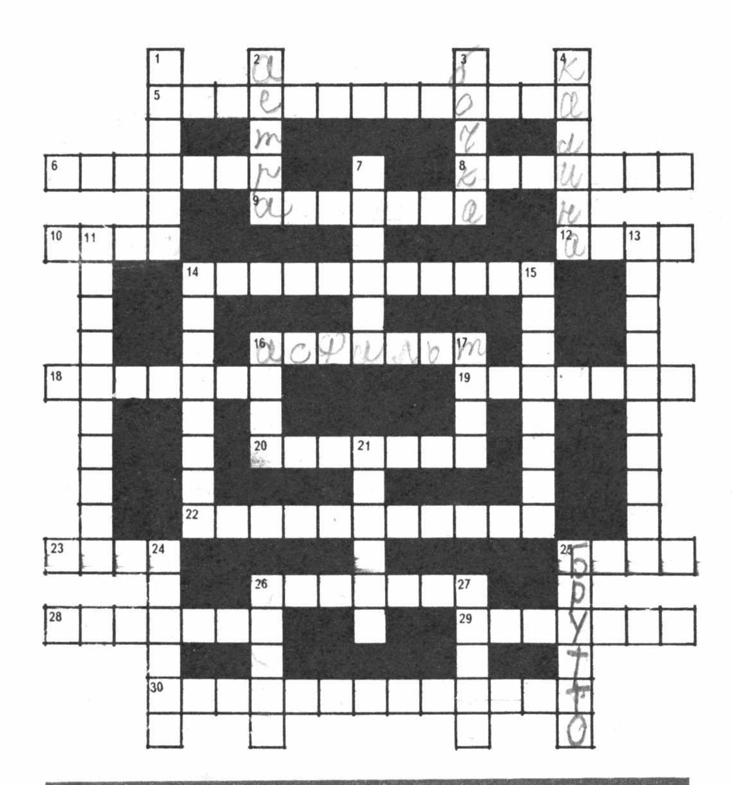
Кстати подвернулось чудо: приближалась машина с зеленым огоньком.

— В редакцию,— сказал я, устало откидываясь на спинку сиденья.— И можете превысить скорость: в ОРУДе у меня наверняка сесть свои люди.

...Некоторое время мучила совесть за то, что я самовольно покинул свой пост в «Гастрономе». Но однажды в телефонной трубке послышался знакомый голос.

— Здравствуйте, дорогой,— журчал директор.— Вам понравилось у нас? Мы все надеемся, что это будет не фельетон!

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Высшее учебное заведение. 6. Озеро в Казахстане. 8. Амфитеатр в Риме. 9. Птица отряда куликов. 10. Детский голос. 12. Автор балета «Жизель». 14. Порт в Кольском заливе. 16. Материал для строительства дорог. 18. Мера веса. 19. Математический знак. 20. Многоместный автомобиль. 22. Союзная республика. 23. Полудрагоценный камень. 25. Река в Боливии. 26. Город в Сумской области. 28. Награда. 29. Великий русский актер. 30. Музыкальное сопровождение.

По вертикали: 1. Созвездие южного полушария неба. 2. Цветок. 3. Фигура высшего пилотажа. 4. Ягода. 7. Приток Вятки. 11. Государство в Европе. 13. Номер цирковой программы. 14. Курорт на Украине. 15. Залив Атлантического океана у западного побережья Англии. 16. Дугообразное перекрытие. 17. Канат. 21. Крейсер, участвовавший в Севастопольском восстании 1905 года. 24. Разновидность гонга. 25. Вес товара вместе с упаковкой. 26. Спортивная лодка. 27. Жанр стихотворного произведения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали: 3. Гладиолус. 7. Дагомея. 8. Атласов. 9. Ташкент. 11. Угорь. 14. Хорда. 17. Кларнет. 20. Сосновец. 21. Единорог. 22. Ясачная. 23. Аркан. 25. Шашки. 27. Баталов. 32. Рентген. 33. Вучетич. 34. Кронштейн.
По вертикали: 1. «Мачеха». 2. Эльтон. 3. Гром. 4. Сказ. 5. Какао. 6. Хопер. 10. Коробочка. 12. Глиссер. 13. Ротонда. 15. Окинава. 16. Дворжак. 18. Лацис. 19. Елена. 24. Камея. 26. Штрих. 28. Ацетон. 29. Огурец. 30. Уток. 31. Неон.

На первой и последней страницах обложки: Рельеф монумента в ознаменование выдающихся достижений советского народа в освоении космического пространства. Скульптор А. Файдыш.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

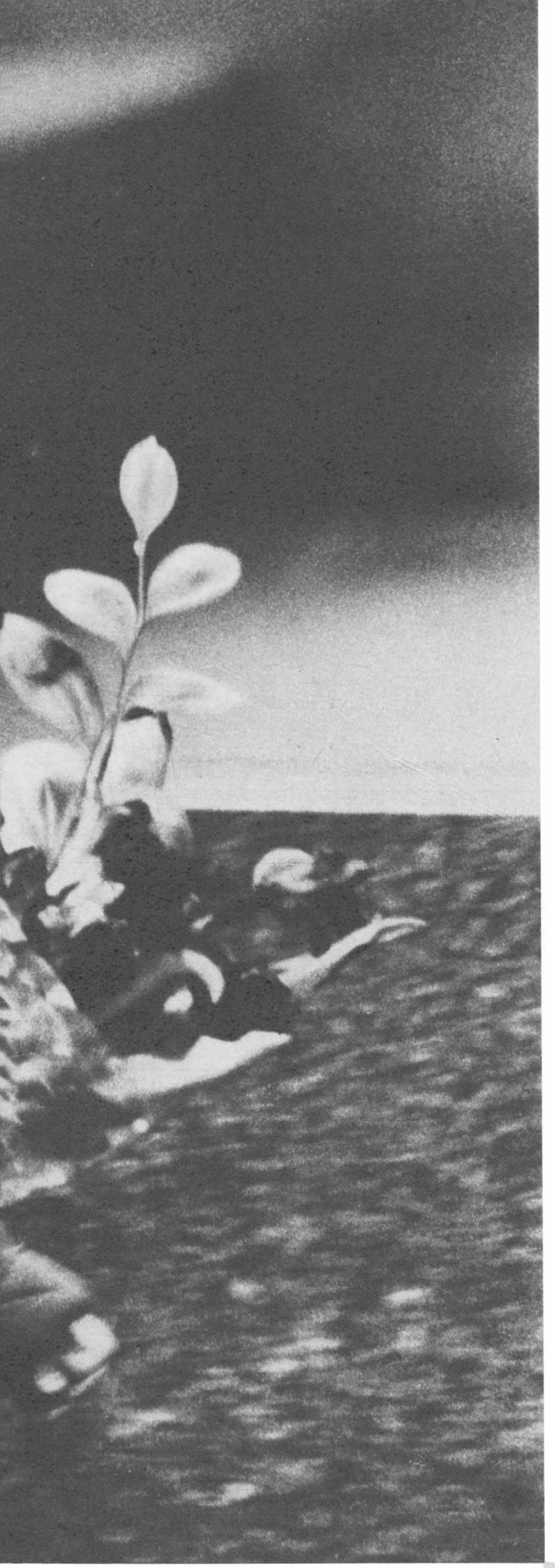
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

А 00439. Сдано в набор 21/X-69 г. Подп. в печ. 3/XI-69 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2064. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2910

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Фото А. БОЧИНИНА.

ЧЕЛОВ
С ЦВЕТ

Е К
АМИ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.